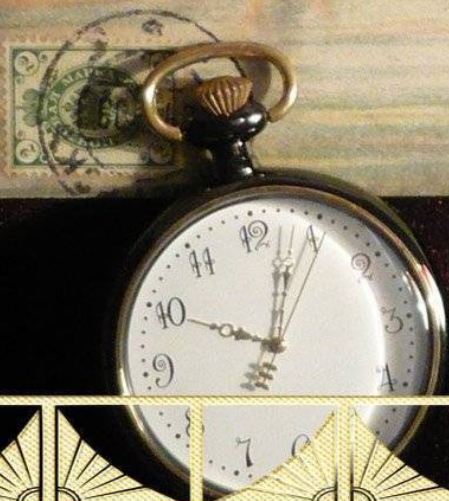


ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА



Отравленная маска



Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина
Отравленная маска

«Автор»

Вербинина В.

Отравленная маска / В. Вербинина — «Автор», — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-22442-5

Семейство Амалии разорено! Вот если бы она удачно вышла замуж... Девушка не сомневалась, что будет иметь успех в свете, и всю готовилась к балу у Ланиных. Но блеснуть ей так и не удалось: бал отменили из-за трагических обстоятельств. Погибла Жюли Ланина. В доме ее родителей Амалия познакомилась с чиновником департамента полиции, милым, неуклюжим Сашей Зябликовым. Под большим секретом он поведал, что уже несколько богатых знатных девушек умерли без всяких на то причин. Амалия заинтересовалась его расследованием, и с ней начали происходить странные вещи: сначала ее чуть не сбила карета, потом погиб котенок, выпивший молоко из ее чашки...

ISBN 978-5-699-22442-5

© Вербинина В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерия Вербинина

Отравленная маска

Пролог

На новый, 1880 год в парижской опере давали грандиозный бал-маскарад. Огромное здание было расцвечено огнями, к главному подъезду то и дело подкатывали великолепные экипажи, из которых выходили смеющиеся, причудливо разряженные люди. Из ноздрей лошадей валит белый пар, свет газовых фонарей казался бледным и зябким, но стоило миновать массивную дверь с представительным швейцаром, как ночь и холод отступали прочь под натиском безудержного, бесшабашного веселья. В фойе кружился хоровод масок, на мраморной лестнице красивые девушки в нарядах Коломбин осыпали гостей конфетти и пестрыми блестками. Все проходы были запружены счастливой, возбужденной, ряженой толпой. Здесь присутствовали Париж финансовый, Париж аристократический, Париж торговый, Париж поэтический, музыкальный, военный, старый, молодой, старинный, молодящийся... Дамы сверкали драгоценностями и улыбками, и улыбки порой блистали ярче драгоценностей. Кавалеры... Но о кавалерах стоит поговорить особо. Вот, например, дородный плешивый господин в костюме священника. Смеясь, он широко разевает рот, как рыба, выброшенная из воды, и трижды три его подбородка прыгают и волнуются, словно в жестокой малярийной лихорадке. Его собеседник криво улыбается.

– Ха! Ха! Ха! Ну и насмешили вы меня! – стонет «малярийный».

Это банкир. Но даже перо беспристрастного историка дрожит и колеблется, не решаясь вывести его грозное имя. Хотя, заметим, к нашему рассказу его обладатель не имеет ровным счетом никакого отношения. Ну, подумаешь, эка невидаль, пришел человек на бал в оперу! Впрочем, если быть до конца откровенным, это не человек – это столп, атлант, подпирающий своим плечом государство, всего лишь десять лет назад находившееся на грани величайшей катастрофы в своей истории¹. Чихни он, и где-нибудь в Африке или Америке начнется такое землетрясение, от которого не поздоровится и европейским биржам; а если утром горничная, не дай бог, подаст ему в постель чашку остывшего кофе, так и вовсе страшно подумать, что может от этого приключиться. Однако оставим атланта. Он толст и в чем-то непроходимо глуп, и его любовница, третьеразрядная актриса «Комеди Франсез», попавшая туда, замечу, исключительно по его протекции (не благодаря же таланту, который отсутствовал у нее начисто), – словом, любовница – и та наставляет ему развесистые рога с неким драгунским капитаном, у которого нет в наличии ни банка, ни даже самого заваливающегося сейфа, и чих его не произведет землетрясения даже в Блуа, но зато у него имеются роскошные усы, мечтательные глаза и всего-навсего двадцать пять лет жизни за спиной. Да здравствуют те, кому только-только сравнялось двадцать пять, и долой надоедливую, брюзжащую, подагрическую старость!

Впрочем, мы что-то увлеклись и едва не пропустили самое главное. Давайте же окунемся в гущу толпы. Ах! Ох! Ой! Какая толкотня! Сколько народу! А костюмы, а маски, а личины, а лица! Шум стоит просто невообразимый. Быстрее, быстрее сюда! Фу, теперь можно и отдышаться чуток... Взгляните наверх! Еще выше! Да нет же, не на ту толстую даму с тройным слоем румян, растекающихся по лоснящейся коже, о нет! Что за вкус, бог мой! Напротив, смотрите напротив! Никого? Как так – никого?

¹ Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 гг., закончившаяся полным разгромом Франции и отречением императора Наполеона III. (Здесь и далее – примечания автора.)

Разумеется, мы его упустили, потому что вы самым бесцеремонным образом пялились на толстуху (жену директора банка, между прочим) и на ее выложенное бриллиантами декольте. А ведь буквально минуту назад у вон той – видите? – колонны, второй слева, маячила бледная тень. Это был человек в костюме Пьеро и маске, целиком закрывавшей лицо. Его руки утопали в длинных рукавах белого балахона, на щеке белой, как и вся одежда незнакомца, маски была нарисована огромная черная слеза. В толпе бродила по меньшей мере дюжина его двойников в точно таких же одеяниях, но ни один из них не выказывал подобной необщительности, как сей загадочный гость. Порой какая-нибудь прелестная девушка со стрекозиными крыльями за спиной подлетала к нему, думая, что узнала своего знакомого, но, поняв, что обозналась, тотчас ускользала прочь, и этот Пьеро вновь оставался в полном одиночестве, которое, похоже, вполне его устраивало. Маститый критик, вырядившийся евнухом восточного гарема, принял его за непризнанного поэта, которого он недавно разгромил в своей рецензии; двое шутников довольно громко позубоскалили насчет незнакомца, но он никак не откликнулся на высокомерный кивок критика и ничего не ответил задирающим его весельчакам. Возможно, он ждал кого-то, кто еще не пришел. И впрямь, стоило ему заметить среди вновь прибывших девушку в изумительном платье, сшитом по испанской моде семнадцатого века, взгляд его заметно оживился. Тут, однако, мы имеем дело с первой странностью, потому что Пьеро вовсе не стал пробиваться через толпу, стремясь к красавице; не стал он и махать руками, подавать знаки и всячески привлекать к себе внимание, как это с незапамятных времен в обычае у влюбленных. Он просто скользнул куда-то в полумрак и исчез, словно его здесь и не было.

Вокруг девушки в платье à l'espagnole² тем временем образовался небольшой круг масок. Шепоток зависти, восхищения и их вечной спутницы – ядовитой насмешки перепархивал с уст на уста, меж тем как вновь прибывшая наслаждалась тем фурором, который произвело на собравшихся ее появление. Звали девушку Адриенн Дарье, и в редкие минуты печали, которые ей выпадали, она искренне жалела о том, что в мире остается все меньше и меньше королей, способных бросить свои королевства к ее ногам. Ибо Адриенн принадлежала к тем одержимым честолюбием людям, которым всего мало, и даже колоссальное состояние ее отца, нажитое неизвестно где и неизвестно как в годы крушения империи, она принимала скорее как данность, нежели как нечто, заслуживающее внимания с ее стороны.

Надо сказать, что деньги вообще имеют нечто общее с любовью (и не только тем, что некоторые предпочитают расплачиваться ими за любовь), в делах финансовых, равно как и в делах сердечных, вызывает непритворный душевный трепет лишь то, что ускользает от нашей власти, бросает нам вызов, обольщает своей недостижимостью, мнимой или действительной. В сущности, нас по-настоящему привлекает только то, что принадлежит другому. Именно поэтому Адриенн Дарье не дорожила своим богатством – при всем при том прекрасно отдавая себе отчет в размере приданого, которое она в один прекрасный (или не очень, как знать?) день принесет своему драгоценному – и в буквальном смысле слова тоже! – супругу. Гораздо больше, чем деньгами, она дорожила своей красотой – той, что придиричивые парижане, разобрав по черточкам, объявили «красотой хищницы». Да, пожалуй, черные глаза Адриенн были не очень велики и не слишком выразительны; и крылья носа широковаты, и рот крупнее и жестче, чем у парижских барышень, и... И все-таки она была бесконечно, невероятно мила, раз в ней с таким упорством искали изъяны и радовались, найдя их. В отличие от очень и очень многих женщин, зеркало никогда не являлось врагом Адриенн.

Поскольку нынешний вечер выдался совершенно особенным, она остановилась на наряде, подчеркивающим все ее достоинства, а именно на темно-зеленом с золотыми разводами платье со стоячим воротником. Причем портной поклялся самой страшной портновской клятвой, что такого больше ни у кого не будет – не только на этом балу, но и вообще никогда

² По испанской моде (франц.).

(если вам любопытно, какая самая страшная клятва бывает у портных, не забудьте, что они постоянно имеют дело с ножницами и прочими режущими и колющими предметами, впрочем, каждый понимает клятвы в меру своей испорченности). Платье и впрямь вышло на редкость удачным. Оно вселяло оторопь, тоску и изумление во всякого, в чьем поле зрения оказывалась Адриенн, да и не оно одно: в темных волосах девушки сверкала неземной красоты диадема из бриллиантов с изумрудами, превосходно сочетавшаяся с такими же сережками. Каналья ювелир, величайший в Париже искусник в своем деле, клялся своей мамой (покойной), папой (здравствующим), а также бабушками и дедушками по обеим линиям и предками со всех сторон света, что ни за что, ни за какие коврижки не поспеет сработать до наступления Нового года сей несравненный гарнитур для несравненной мадемуазель Дарье. Разумеется, он лгал, хотя его ложь и влетела папаше Дарье в кругленькую сумму дополнительно к основному счету – за «скорость». Зато теперь Адриенн могла быть совершенно счастлива среди парижских красавиц, которым она, по выражению ее отца, до сих пор не отучившегося от ужасных простонародных словечек, «хорошенько утерла нос».

Адриенн, держа в руке зеленую, бархатную, в цвет платья, полумаску на палочке, с видимым удовольствием поворачивалась во все стороны, отвечала на обращенные к ней приветствия, и ее маленькие, с розовыми мочками уши не пропускали ни единого слова, сказанного о ней. Мужчины были ослеплены и покорены, женщины – язвительно колки, как всегда.

– Это Адриенн!

– О! Царица Адриенн!

– Опять она! Уйдем отсюда, я не могу ее видеть.

– Нет, ты посмотри, какая прелесть!

– Кто это? – спрашивал кого-то на ломаном французском какой-то англичанин, назойливо лорнируя девушку.

– О! Дочь денежного мешка, этакий хорошенький денежный мешочек! – И вслед раздался противный, просто гадкий смех.

И, конечно, вертелись рядом приятельницы, подруги...

– Здравствуй, Адриенн, дорогая! Какое чудное платье! – ворковала одна.

– Линялая тряпка! – сообщит она своей подруге через четверть часа, когда Адриенн уже не будет поблизости.

В толпе Адриенн очень скоро стало душно и скучно. Мужчины, по ее мнению, выглядели, как нелепые манекены, а все женщины поголовно походили на отставных кокоток. Ее кавалер Кристиан Бернар-Вермийон, всего-навсего сын владельца железных дорог, суетился как мог, пытаясь угодить своей повелительнице. Он подал ей веер, поднес лимонад, но веер был с презрением отвергнут, а лимонад тут же вылит на ни в чем не повинный фикус. Бедный Кристиан был удручен. Он был раздавлен. Он был уничтожен.

Как последнее средство он предложил уйти отсюда. У папы званый ужин, там собрались самые приличные люди... Да, да, самое изысканное общество, продолжал он, ободренный молчанием красавицы. Есть даже один писатель, которого прочат в преемники Виктору Гюго. Правда, сам мэтр, которому пошел уже восьмой десяток, категорически с этим не согласен и будто бы даже заявил, что лучше остаться вовсе без преемников, нежели слышать, как учиняют подобное надругательство над музой поэзии. Кто, собственно, подразумевался под музой и над кем учиняли надругательство – решительно непонятно, но похоже, что все-таки над самим Виктором Гюго. Впрочем, почти наверняка все это выдумки клеветников, которым любо опорочивать и стравливать между собою почтенных работников пера и чернильницы, безвинных мучеников вдохновения. Наверняка...

– Как вы мне все надоели, – бросила ему наконец царственная Адриенн и, подобрав шлейф, стала подниматься по лестнице.

Опешивший Кристиан хотел было последовать за ней, но тут его подхватила под руку какая-то дама в розовом платье, мушках и напудренном парике и увлекла танцевать.

Адриенн даже не заметила исчезновения своего спутника. Ее мучило другое – то, что платье, о котором она совсем недавно грезилась с таким упоением, на самом деле оказалось неудобным и сковывало движения. Само собою, за него были заплачены немислимые деньги, и в конце концов, было так приятно подразнить окружающих роскошью, им недоступной, но... Тут Адриенн чуть не споткнулась – именно из-за неудобства баснословно дорогого наряда, и мысленно послала к черту всех на свете, причем в первую очередь испанских королей, носивших такие жуткие одежды. Кто-то ловко подхватил ее под локоть. Она подняла голову – и увидела Пьеро. Маска прижала палец к губам, поклонилась и отступила назад. Адриенн проводила Пьеро недоуменным взглядом, однако ей стало немного легче: ей показалось, что она узнала того, кто скрывался под маской, по прикосновению. «Ага, и этот тоже попался», – мелькнуло у нее в голове. И она непринужденно и грациозно преодолела оставшиеся ступеньки.

Миновав узкий коридор, девушка вошла в одну из театральных гримуборных, предоставленных на время бала в полное распоряжение дам. Зеркала мерцали прохладой. При появлении Адриенн две или три смеющиеся девушки внезапно перестали смеяться, встали и вышли. В дверях одна из уходящих не удержалась и, скорчив уморительную гримасу, показала красавице язык. Несколько месяцев назад Адриенн увела у этой девушки жениха и, поиграв с ним ровно столько, сколько играют с куклой, отбросила.

Адриенн все прекрасно видела, но виду не подала, лишь взгляд ее стал острым, как лезвие. Она подошла к зеркалу, чтобы поправить прическу, и случайно выпустила из рук полумаску. Чертыхнувшись про себя, Адриенн нагнулась подобрать ее, а когда вновь распрямилась, то даже вскрикнула от испуга, увидев в зеркале сбоку от своего белый силуэт.

– А, это вы! – сердито вырвалось у нее. – Вы меня напугали, честное слово! Разве можно так подкрадываться!

– Вы меня узнали? – глухо прозвучал вопрос.

– Разумеется. Боже, какой наряд!

Пьеро (ибо это был именно он), возможно, помрачнел от ее слов, но наверняка нам этого знать не дано, ибо маска с черной слезой на щеке закрывала все его лицо.

– Я принес вам шампанское, – сказал он. В руках он и в самом деле держал два бокала и приподнял один в заздравном жесте. – За вас.

Адриенн улыбнулась и взяла бокал. Он положительно мил, подумала она. И сделала глоток.

– Я бы предпочла шербет, – заметила она с тонкой улыбкой. Не стоит чересчур его поощрять.

Пьеро вздохнул и повел руками, отчего длинные рукава балахона соскользнули едва ли не до локтей. Он поспешно опустил руки, но мчаться стремглав за шербетом явно не торопился.

– Вы ужасно похожи на несчастливую влюбленную, – подразнила красавица своего молчаливого друга, допивая вино. – Что с вами?

– Я не несчастен, – спокойно промолвил тот. – И, во всяком случае, не влюблен.

Адриенн поморщилась и поставила пустой бокал на туалетный столик. Слова ее собеседника безотчетно не понравились ей.

– Но ведь вы же Пьеро, не так ли?

Своим вопросом Адриенн намекала на то, что в комедии масок Пьеро всегда изображает неудачника, влюбленного в Коломбину, которая обманывает его с пройдохой Арлекином.

– С чего вы взяли?

Было странно и немного жутко слышать глуховатый голос незнакомца в то время, как губы его маски оставались совершенно неподвижными.

– У вас такой наряд, – ответила Адриенн.

– Это наряд смерти, мадемуазель, – шепнула маска.

Адриенн подалась назад. Отчего-то ей стало трудно дышать. Девушка схватилась руками за горло. Какая глупая шутка, какая неприличная... А он еще хочет, чтобы его считали воспитанным человеком... Адриенн почувствовала, как на висках у нее выступил крупный пот. Пьеро смотрел на нее, и в его глазах она читала не усмешку, не торжество, а всего лишь спокойное, сосредоточенное любопытство. Это было невыносимо.

– Смерти? – Она не узнала своего голоса. Язык цепенел, слова давались ей с трудом. – Какой смерти?

В этот миг она почти ненавидела его. Его балахон, его маску, но больше всего – дурацкую черную слезу на щеке. Глаза в прорезях маски сверкнули.

– Вашей, Адриенн.

Она подумала: «Он шутит. Он всегда... так...» Но что «всегда», додумать Адриенн уже не успела. Она хотела сказать что-то, быть может, спросить, за что ей это, и почему так трудно, так тяжело дышать... и еще платье, платье... это наверняка простой обморок... ведь он не посмеет... нет, это все платье, ведь горничная Женевьева предупреждала ее, а она не послушалась, обозвала ее деревенской душой... Кровь молотом застучала в голове Адриенн, все быстрее, быстрее, но внезапно наступила тишина. И молот больше не стучал, и тишина эта длилась ровно вечность.

Все закачалось и поплыло перед глазами у девушки. Зеркала накренились и беззвучно рухнули куда-то вбок, но Адриенн даже не смогла удивиться. Она лежала на полу, и свет капля за каплей вытекал из ее широко раскрытых глаз. Она была мертва.

Пьеро взял бокал со столика и поставил на него свой. Огляделся. За дверями, совсем близко, возникли и угасли голоса. Он спрятал в рукав отравленный бокал и медленно снял маску.

Глава 1

Весной 1880 года Амалия Тамарина возвращалась из Франции в Россию. Позади остались лавандовые поля и мельницы старого Прованса, сказочный Париж, где в прозрачном сумраке над Марсовым полем витали еще не обретшие стальную плоть очертания Эйфелевой башни – такие неясные, что различить их мог только глаз опытного провидца³. Мимо, мимо... и вот Франции уже нет, поезд катит по территории Германии, за окнами проплывает тусклый и пыльный Берлин, где на каждом шагу натыкаешься на солдата и с каждого газетного листа смотрит лицо кайзера или канцлера фон Бисмарка. Но вот и Берлин скрылся в тумане, и потекли бесконечной чередой опрятные, ухоженные городки, до неправдоподобия схожие друг с другом. Опершись щекой на руку, Амалия смотрела в окно, чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, одолевавших ее, но почти ничего не видела – то ли оттого, что беспрестанно шел дождь, то ли оттого, что на глаза ей слишком часто наворачивались слезы, и она не могла уже разобрать, дождь или собственное горе слепит ее. Пели рельсы, урчали поршни колес, один вокзал сменял другой, кто-то садился в поезд, кто-то выходил из него. Мимо, мимо... Поле, церковь, река, деревенька, заяц, бегущий по откосу; машинист дал долгий гудок, и заяц опрометью бросился в кусты. Приближалась Польша – граница необъятных владений империи Российской.

В Познани, расположенной в ту эпоху на прусской еще территории, ненадолго проглянуло солнце. Амалия встряхнулась. Как медленно они едут! Поскорей бы добраться до Варшавы, где они сделают пересадку на московский поезд – и, очевидно, опять придется трястись во втором классе с его жесткими сиденьями и терпеть всевозможные неудобства. Только сейчас Амалия почувствовала, как она измотана долгой дорогой. В эти минуты ей хотелось лишь одного: увидеть своих родных, выплакать им свое горе... Ее горе! Губы Амалии дрогнули, и она снова отвернулась к окну.

Познань скрылась из глаз, верный слуга Яков Лазарев, думая утешить госпожу, обронил: – Вот, барышня, мы почитай что и дома.

Пыхтя, свистя и изрыгая клубы густого дыма, состав подкатил к пограничной станции, содрогнулся и замер. Засуетились кондуктора, в коридорах зазвенели оживленные голоса, в соседнем купе затыкала собака – судя по голосу, болонка. Амалия ощутила легкое волнение. Наконец-то она снова была на родине, а ведь совсем недавно почти готова была поверить, что этот день не настанет никогда. Дверь купе распахнулась, пропустив жандарма и таможенного офицера – молодого человека лет двадцати пяти с льняными волосами и непроницаемым взглядом.

– Vos papiers, s'il vous plaît⁴, – сказал таможенник с неистребимым славянским певучим акцентом.

Тонкая белая рука взметнулась с черного крепа – Амалия протянула офицеру свои бумаги.

– Прошу вас.

Молодой таможенник, бегло окинув взглядом Якова, державшегося, как всегда, с невозмутимым достоинством, и горничную Амалии Дашу, не знавшую от смущения, куда ей деться, открыл паспорт пассажирки в трауре. Тамарина, Амалия-Изольда-Елизавета, по отцу – Константиновна. Дворянка. Вероисповедания православного. Возраст – семнадцать лет. Офицер поднял глаза, внимательнее посмотрел на девушку. Хороша барышня, ничего не скажешь. Глаза карие, с золотой искрой, волосы светлые, брови черные и лицо мягкое, нежное, только

³ Эйфелева башня была построена в 1889 году.

⁴ Ваши документы, пожалуйста (*франц.*).

сейчас чем-то опечаленное. Амалия, значит. Офицер бегло прочитал записи в паспорте, который держал в руках. Все было в порядке. Таможенник сухо улыбнулся и с поклоном вернул документы девушке.

– С прибытием в Россию, сударыня.

Амалия улыбнулась – наверное, в первый раз с тех пор, как покинула Францию. Офицер был столь любезен, что даже не стал осматривать вещи; впрочем, там и не было ничего, заслуживающего его внимания. Он слегка наклонил голову и проследовал дальше в сопровождении жандарма.

– Какой галантный кавалер, – мечтательно вздохнула Даша. – И блундин.

Яков метнул на нее укоризненный взгляд. Сколько школил он ее, учил уму-разуму, и все понапрасну. Ну, не умеет девка себя держать, что ты поделаешь! А всему виной Амалия Константиновна – избаловала, испортила прислугу. Яков покосился на Амалию, чье лицо вновь приняло сосредоточенно-скорбное выражение. Нет, не станет он ей этого говорить, ни за что не станет. Он ведь, почитай, шестьдесят семь лет в семье, еще с давних времен, крепостных, а это вам не шутки-с. Ведь он, Яков, еще от Владимира Сергеевича, деда барышни, мальчиком мух отгонял, когда тому вздумывалось вздремнуть. Ох, и гневлив был генерал Тамарин, ох и гневлив! При нем в доме все на цыпочках ходили да шепотом разговаривали. Старой закалки был кавалер, ничего не скажешь. Не дай бог ему поперек слово молвить – лицо кровью нальется, и как зачнет кричать, аж стекла в рамах ходуном ходят! Громовержец чистый, но надо отдать ему справедливость, и щедр он был сверх меры, и на доброе слово не скупился. Сын его, тот все-таки другого ндрава держался, помягче, пообходительнее. Добрый он был человек, даже чересчур. Ну, да ладно, негоже покойникам косточки перемывать, не христианское это дело. Нет уж обоих – ни генерала, которого хватил удар, дай бог памяти, двадцать один год тому назад, ни отца Амалии, Константина Владимировича, но его уже чахотка сгубила, как и сына его единственного, брата барышни, в могилу свела, окаянная. Говорили врачи: климат теплый нужен, вот и послушался их Константин Владимирович, поехал за границу – сначала в Италию, потом на юг Франции, в Ментону, да все равно не выздоровел, умер. И барышня при нем оставалась до самого конца и в Ментоне его похоронила, как он пожелал. Да! Вот так и скончался Константин Владимирович, царствие ему небесное, вечный покой, и сына своего пережил всего на полтора года. Ох, оскудение, оскудение горькое! Только и осталось из семьи, что Амалия да мать ее, Аделаида Станиславовна, но это уже другой разговор. Совсем другой. Только бы к барышне скверная хворь не прилепилась, а там, глядишь, мужа себе найдет попривличнее, да и детки пойдут, и понянчит он, Яков, всласть на старости Константина Владимировича внуков.

Амалия очнулась, когда поезд ехал по равнине, там и сям поросшей редкими деревьями. Дождь перестал. Даша чему-то мечтательно улыбалась. Амалии не хотелось нарушать ее мечты. Она откинулась головой на спинку сиденья и задумалась. Как только в Варшаве определятся с билетами, надо не забыть телеграфировать дяде Казимиру, чтобы встретил их на вокзале, да не перепутал день ненароком, а то с него станется. Интересно, чему это Дашенька так улыбается? Ах да, офицер на пограничной станции. Привлекательный молодой человек, *et très comme il faut*⁵. «Чрезвычайно привлекательный, дорогая», – сказала бы ее мать. Для Аделаиды Станиславовны не существовало ни промежуточных состояний, ни полутонов; все в мире виделось ей чрезвычайно, невероятно, крайне, невыносимо хорошим или дурным. Амалия тихонько вздохнула: она чувствовала себя невыносимо старой, разбитой, опустошенной. Со смерти отца ее не покидало это чувство.

– Что, Яков? – ласково окликнула она старого слугу, видя, что тот хмурится.

⁵ И весьма воспитанный (*франц.*).

– Да носильщик все покою не дает, окаянный, – горько пожаловался Яков. – Вы зачем ему пять франков дали? Я бы и сам вещи отнес.

Амалия не сразу даже поняла, о чем идет речь, лишь спустя минуту сообразила, что он имеет в виду парижский вокзал, где они оказались за три минуты до отхода поезда. Для Амалии, ненавидевшей опаздывать, это была настоящая катастрофа, и если бы не тот ловкий малый...

– Я-ков, – тихо, отдельно и сердито сказала Амалия. – Не надо.

– Мне не за себя обидно, Амалия Константиновна, – ворчал упрямый слуга. – Я за вас переживаю. Сколько на свете попрошаек, прости господи, ни к чему не пригодных, вот и ходят, и кланчат деньги, а господа разные им в этом потакают...

Амалия перестала слушать. Яков был стар, зануден и совершенно неисправим. Напичканный самыми смехотворными предрассудками, он скрипел, брюзжал, жаловался на все, на что только можно, поносил на чем свет стоит новые порядки, в особенности турнюры и причудливые дамские шляпки, но Амалия скорее умерла бы, чем дала верному слуге понять, до чего же он порою несносен. Она просто прикрыла веками глаза и сделала вид, что засыпает, но через несколько мгновений и в самом деле провалилась в настоящий сон.

... Черные кипарисы тянутся в небо...

Ввысь уплывает нестройный хор голосов.

– Госпо-оди, поми-илуй...

В церкви – полумрак и прохлада. В церкви мерцанье свечей, строгий лик Спасителя и человек, который застыл в деревянном ящике со скрещенными на груди руками. Вокруг него – цветы, цветы...

И сразу же, как это бывает только во сне, Амалия переносится на кладбище, все усеянное крестами с русскими фамилиями. Здесь те, кто, подобно ее отцу, приехал на Лазурный Берег в надежде обрести исцеление от страшной болезни, а обрел лишь вечный покой.

Кипарисы угрожающе шумят... И Амалия слышит сухой, короткий, ни на что не похожий звук. Это стучат комья земли, которые она только что своей рукой бросила на гроб, в отверстую могилу.

Море бьется о скалы, и траурные кипарисы вновь смыкаются вокруг Амалии стенами церкви, в которой бородастый отец Варфоломей величаво и со знанием дела служит заупокойную службу.

Хор... голоса... Внезапно Амалия вздрагивает. Гроба больше нет.

Она оборачивается к священнику, чтобы спросить у него, что происходит, но отец Варфоломей уже исчез. И церковь пуста... Как же так? Проводить Константина Владимировича в последний путь пришло не меньше двух десятков человек, в основном из русской колонии, а теперь они куда-то пропали. Пламя свечей колеблется, пляшет...

Холодея, Амалия бросается к выходу, но тут дверь начинает с ужасающим скрежетом поворачиваться на петлях. Во сне Амалия понимает: сейчас произойдет что-то страшное, что ей надо бежать скорее прочь, но... она не может сдвинуться с места.

Дверь медленно открывается в сторону Амалии, и в проеме возникает *белая фигура*.

– Амалия Константиновна!

Девушка вздрогнула и разлепила веки. Над ней склонилось встревоженное лицо Даши.

– Амалия Константиновна, вы... во сне... Вам что-то снилось?

Амалия поморщилась, отрывая голову от жесткой спинки сиденья. Затылок болел ужасно.

– Ничего, Даша... Где это мы?

– Кто ж его знает, барышня... Стоим на какой-то станции.

– И давно?

– Да уж с четверть часа, не меньше.

Амалия выглянула в окно. Начало темнеть, и в сумерках жирно и желто горели станционные фонари. «Сколько же я проспала?» – в смятении подумалось Амалии.

– Должно, сейчас тронемся, – скрипучим голосом вставил Яков, угадав ее тревогу.

Словно в ответ на его слова, в коридоре взмыли и погасли голоса. Рысцой пробежал кондуктор, затем другой. Послышались тяжелые шаги, сопровождаемые дробным перестуком. Дверь купе, в котором сидела Амалия со своими спутниками, неожиданно распахнулась.

– Сюда, пан... Прошу...

На пороге стоял немолодой, крепко сбитый господин с гривой совершенно седых волос и с пронизательными черными глазами. Всем телом он опирался на трость; массивный перстень хищно сверкал на пальце руки, ее державшей. Медовой улыбки господина, несмотря на возраст, сохранившего прекрасные зубы, хватило бы, чтобы растопить сердца ста закоренелых каторжан, – но не Якова, который принял вновь прибывшего весьма настороженно.

– *Czy to wolne miejsce?*⁶ – осведомился господин, обращаясь исключительно к Амалии, которую он, очевидно, полагал здесь полновластной хозяйкой.

– *Tak, monsieur,*⁷ – машинально ответила девушка. – *Proszk,* – спохватилась она и продолжала уже по-польски: – *Niech Pan siada.*⁸

Надо отдать пану должное, он не заставил просить себя дважды. Поблагодарил и уселся напротив Амалии, в чем Яков, к горю своему, не успел ему помешать. Махнув рукой, незнакомец отпустил кондуктора. Тот поклонился и исчез.

Начальник станции дал свисток, и перрон плавно потек мимо окон.

– Далеко панна едет? – спросил седовласый господин по-польски.

– До Москвы, – ответила Амалия с улыбкой.

– О! Хороший город Москва, – с глубокомысленным видом заметил господин, не обращая внимания на Якова, который прямо-таки ел его глазами. Сердце старого слуги чуяло неладное, тем более что он ни слова не понимал из разговора, который затеяла его дорогая барышня с вновь прибывшим, который представлялся ему гнусным развратителем, пакостником и позором рода человеческого. «Вот привязался к барышне, старый прохиндей! – сердито думал верный слуга. – Был бы я на четверть века моложе, так и выкинул бы тебя ко всем чертям в окошко. Ах, старость не радость!»

– Столица лучше, – меж тем говорила Амалия. – В Москве все-таки сохранилось много от провинции.

– О, Петербург! Не сравнить!

– А лучше всего Париж, – добавила барышня с лукавой улыбкой.

Господин развел руками и закатил глаза в знак величайшего восхищения. Яков весь кипел. «У-у, старый хрыч! Чтоб тебе пропасть! И как наша барышня вообще с тобой разговаривает, ты, образина!»

Подобно большинству преданных слуг, состарившихся в одном доме, Яков привык воспринимать хозяев как вверенную его попечению драгоценную собственность, которой должно оказывать всяческое мыслимое и немислимое почтение, но которая все же – по слабости, неразумию и излишней доверчивости – нуждается в неусыпной опеке с его стороны, и поэтому любые посягательства внешнего мира на эту собственность вызывали у старого слуги чувство, близкое к отчаянию.

– А как же Варшава? – внезапно посерьезнев, спросил седовласый ловелас.

Амалия покачала головой.

– Я никогда там не жила.

⁶ Это место свободно? (польск.)

⁷ Да, сударь (польск., франц.).

⁸ Пожалуйста, прошу садиться (польск.).

– Но вы ведь полька, не так ли? – не унимался господин. – Вы так хорошо говорите польски!

– У меня матушка полька, – поправила его Амалия, – но я считаю себя русской.

– Э, не говорите, – живо возразил поляк. – В ком есть хоть капля польской крови, тот всегда останется поляком!

– Owszem⁹, – согласилась Амалия. – Но кто родился русским, тот им и умрет, тут уж ничего не поделаешь.

Господин восторженно взмахнул рукой, едва не попав перстнем в нос Якову, который (разумеется, Яков, но если быть совсем точным, то все-таки Яков с носом) поспешно отпрянул.

– Что не мешает паненке быть настоящей польской красавицей, – любезно заключил попутчик.

Амалия от души забавлялась. Она и сама не заметила, как тяжесть, прежде давившая ей на сердце, мало-помалу рассеивалась под влиянием всего лишь ничего не значащего разговора с совершенно незнакомым человеком.

– Если вам угодно так считать...

– Я считаю! – вскричал польский джентльмен. – Да любой честный человек на моем месте сказал бы то же самое, клянусь!

Похоже, он разошелся не на шутку. Зато Яков мрачнел прямо на глазах.

– Держу пари, вы очень похожи на мать, – не унимался поляк. – И ваша мать – красавица.

– Пожалуй, – самую малость помедлив, подтвердила Амалия. Впрочем, было не совсем понятно, с чем она соглашается: то ли с тем, что Аделаида Станиславовна хороша собой, несмотря на годы, то ли с тем, что сама Амалия должна быть ее подобием, так что ответ получился несколько двусмысленным.

– Вот видите! Я же говорил! – вскричал поляк, хлопая себя по коленке.

К большому облегчению для Амалии, которая не любила дискуссий на патриотические темы, разговор вернулся в мирное русло. Узнав, что до Франции она с отцом побывала в Италии, попутчик выказал неподдельный интерес.

– Самое замечательное в Италии – маленькие города, – говорил он, и глаза его горели. – Римини, Фаэнца, Чезена, Форли, Имола! Рим слишком стар и набит всякой рухлядью. Венеция прекрасна, но она определенно не подходит для тех, кто, подобно мне, страдает морской болезнью. Правда, теперь, когда король собрал всю Италию под свое крыло, она уже никогда не будет такой, как прежде.¹⁰

Яков тосковал. Им пренебрегали, о нем забыли, да более того – его променяли на какого-то, прости господи, потрепанного жизнью ловкача. С ловкачом – при нем! – разговаривали на нечеловеческом, немислимом, тарбарском наречии, и, хотя пакостник и позор рода человеческого вел себя покамест пристойно, всего остального с лихвой хватало, чтобы заставить страдать старого слугу, всегда склонного подозревать самое худшее. Его худое морщинистое лицо представляло собой совершенную маску незатухающей скорби. Амалия заметила это и послала Якову красноречивый укоризненный взгляд.

– А как же Флоренция? – спросила она поляка. – Вы забыли про Флоренцию.

Господин категорично махнул рукой.

– Во Флоренции слишком много всего, – заявил он. – Там задыхаешься. Понимаете? Слишком много. *Co to jest?*¹¹ – неожиданно спохватился пожилой пассажир, выглядывая в окно. – Ах да, следующая остановка моя. Прощайте, панна, и спасибо за то, что согласились

⁹ Конечно (*польск.*).

¹⁰ Имеется в виду объединение разрозненных итальянских государств в единую державу, завешенное к 1870 г. королем Виктором-Эммануилом II.

¹¹ Что такое? (*польск.*)

разделить общество старика. – Он галантно поцеловал Амалии ручку. – Пусть Богородица исполнит все ваши желания.

Господин поднялся и с решительным видом заковылял к двери, припадая на правую ногу.

– Ну нахал! – возмущенно заявил Яков, когда неожиданный попутчик скрылся из глаз. – Каков нахал! Я надеюсь, он не осмелился приставать к вам, барышня?

Амалия закинула голову и расхохоталась. Смеялась она долго, но в смехе ее Якову почудилось нечто тревожное. Слишком уж он смахивал на истерику.

– Оставь его, Яков, – выговорила она, давясь смехом до того, что слезы выступили у нее на глазах. – Он старомодный польский шляхтич, gentilhomme¹². Немного чудаковат, ну и что с того? Он очень меня развеселил.

– Чем же? – спросил Яков угрюмо.

– Он сказал, что я похожа на мать.

И тут произошло то, что можно считать настоящим чудом. Образцовый слуга с более чем полувековым опытом безупречной службы за спиной, человеческий автомат, отлаженный на зависть посторонним, не удержавшись, прыснул. Амалия зашлась от хохота. Даша, разбуженная от своих грез, смотрела на них широко раскрытыми глазами. Надо заметить, что для благовоспитанной светской барышни хохот был верхом неприличия, тем более что смеяться тут, собственно, было совершенно не над чем. А уж Аделаида Станиславовна со всей свойственной ей суровостью непременно отчитала бы Amélie за ее дурацкую выходку, строго заметив при этом:

– Ну да, она совершенно похожа на меня! Вылитый мой портрет, только чуть-чуть моложе. А чего вы, собственно, ожидали, скажите на милость? Она же моя дочь!

Но так как матери здесь не было, Амалия могла смеяться вволю, меж тем как чихающий и гудящий паровоз, с усилием волоча за собой вереницу пестрых вагонов, подходил к Варшаве, и голые по пояс кочегары, предвкушая долгожданный отдых, бросали в топку все новые и новые порции угля, и рельсы убегали назад, как дни, которым никогда не суждено вернуться.

¹² Дворянин (*франц.*).

Глава 2

В Москве Амалию, как и было условлено, встречал Казимир Станиславович Браницкий, ее дядя по матери. *Oncle Casimir*¹³ являл собою, в зависимости от времени суток и степени наполнения кошелька, гуляку праздного, мота, повесу, мудреца, никчемнейшего человека, господина тихого и воздержанного нрава, буйнопомешанного, ловкого дельца и непрактичного малого попеременно. Десятки, а то и сотни самых разнообразных характеров уживались в нем совершенно мирно, ибо, как только в действие вступал один из них, все прочие испарялись бесследно; и можно понять опасения Амалии, с какими она приветствовала своего родственника, которого не видела почти восемь месяцев. Поверхностный осмотр, однако же, показал, что *cher oncle*¹⁴ пребывает в одном из самых цивилизованных своих состояний. Галстук его был повязан наипристойнейшим образом, щеки гладко выбриты, и только в уголках губ затаилась готовая просочиться наружу горечь. При всем при том он казался кроток, благодушен и преисполнен самой похвальной учтивости.

– Здравствуй, *Amélie*, – промолвил он, касаясь сухими губами лба своей племянницы. – А ты похорошела!

Амалия слегка поморщилась, но ничего не сказала, только отстранилась, сделав вид, что натягивает на руку узкую лайковую перчатку. В сущности, она была несправедлива, признаем это. Собственно, ведь это со всеми так: лет до пятнадцати мы только и слышим от других, как мы растем и взрослеем, затем от пятнадцати до двадцати лет нам настойчиво внушают, что мы хорошеем не по дням, а по часам, а потом ни с того ни с сего оказывается, что мы лишь жалкие, невзрачные и ни к чему не пригодные люди, – или, по крайней мере, жизнь делает все, чтобы убедить нас в этом.

– Как здоровье *татап*? – спросила Амалия.

– О, прекрасно, прекрасно, уверяю тебя.

– Она по-прежнему здесь, в Москве? Не в имении?

– *Mais certainement, chère nièce*¹⁵. Разве ты не знала? Я думал, она написала тебе.

Амалия не была расположена в тот момент давать объяснения. Яков собирался кликнуть извозчика, но оказалось, что их уже ждет экипаж, по виду отнюдь не наемный. Амалия была немного озадачена данным обстоятельством. Она знала, что из-за болезни отца дела семьи были запущены, а тут вдруг эта карета, которая так мало соответствовала их нынешнему положению... Мысленно Амалия тут же упрекнула себя за то, что готова подозревать своих родственников в нелепой расточительности, а ведь они, в конце концов, вполне могли одолжить экипаж у друзей или знакомых. Яков и Даша погрузили вещи, все расселись по местам, и лошади шибко тронулись. Каждый ухаб отзывался в груди у Амалии лишним толчком сердца. Дядя Казимир поддерживал разговор как мог, но, по правде говоря, это не очень ему удавалось.

– Ты не утомилась? – спросил он в третий или четвертый раз, когда проезжали мост через Язу.

– Нет, – в третий или четвертый раз отозвалась Амалия. После чего, однако, прибавила: – Кстати, куда мы едем? *Матап* все еще живет в гостинице? Надеюсь, это не меблированные комнаты? Вот уж что было бы ужасно...

– Нет, – помедлив, ответил Казимир Станиславович, – твоя мать остановилась у Ларисы Сергеевны.

¹³ Дядя Казимир (*франц.*).

¹⁴ Дорогой дядя (*франц.*).

¹⁵ Само собой, дорогая племянница (*франц.*).

Амалия нахмурила тонкие, высоко изогнутые брови, в янтарных глазах блеснули и погасли искры.

– Помилуйте, mon oncle, у какой Ларисы Сергеевны? У той, что отцу двоюродная сестра?

– Купеческая вдова Вострякова, – благоговейным шепотом сказал Казимир Станиславович. – Она самая, ma chère¹⁶. Она пригласила нас к себе погостить.

Яков крикнул от неожиданности. Родственники отца Амалии никогда особо не жаловали его жену. Проще говоря – они терпеть ее не могли. Как, впрочем, и она их. Аделаида Станиславовна считала их мелочными, ограниченными и дурно воспитанными; они же в свой черед обвиняли ее в том, что она расточительна, глупа и воспитана дурно. При жизни Константина Владимировича его жена почти не общалась с родичами супруга. Так с чего вдруг они сделались так к ней расположены? Амалия чуяла какой-то подвох, и, словно угадывая ее мысли, Казимир начал робко оправдываться:

– Что нам было делать? Имение заложено и перезаложено, денег нет и ждать неоткуда. Вот сестра и написала Востряковой: так, мол, и так, муж болен, дочь с ним, расходы на лечение адские, не обидьте нас, грешных... Qui n'a rien à perdre, n'a rien à craindre¹⁷, – выдал он экспромтом вдохновенно. – Добрейшая она женщина, Лариса Сергеевна, я тебе скажу. Все поняла и все простила. Ты и сама знаешь, – он зачем-то оглянулся и на всякий случай даже понизил голос: – Твоя мать не всегда отличалась надлежащей сдержанностью, но теперь все забыто. Они с Ларисой Сергеевной поладили великолепно. Ты тоже, как с ней познакомишься, увидишь, какая она славная.

Амалия метнула на дядю острый взгляд. Уж не имеет ли он сам на купеческую вдову известные виды? Про Ларису Сергеевну Амалия знала мало, слышала только, что после двух или трех неудачных брачных проектов она вышла замуж за купца, который в своем стремлении сделать ее счастливой зашел так далеко, что преставился через год после свадьбы, оставив безутешной вдове значительную часть своего солидного состояния. Что же касается пресловутой сдержанности Аделаиды Станиславовны, то требовать от нее чего-то подобного было столь же немислимо, как искать ледник в знойной пустыне.

– Я ничего об этом не знала, – призналась Амалия.

Казимир снисходительно улыбнулся. Девушка видела: он считает себя молодцом и преисполнен самодовольства. Отчего, вот бы еще понять...

– Вы получали мои письма? – спросила Амалия внезапно.

– Разумеется. Я сам забирал их на почте. – И Казимир Станиславович гордо выпятил грудь, словно речь шла невесть о каком тяжком поручении.

– Последние два месяца от вас не было ни единой весточки, – просто сказала Амалия. – Я уже начала беспокоиться.

– О чем? – искренне удивился Казимир Станиславович. – Нет, у нас все было хорошо. Ты зря волновалась, душа моя.

«Душа» сосредоточенно размышляла. И так, тапан каким-то образом сумела очаровать купеческую вдову (то бишь беззастенчиво втерлась к ней в доверие) и поселилась у нее в доме на правах родственницы, прихватив с собою и бесценную обузу в лице Казимира Станиславовича, своего непутевого младшего братца. Теперь, очевидно, к ним предстоит присоединиться и ей, Амалии. Это уже смахивало на приживальчество, и гордость девушки не могла не возмутиться. Амалия внимательно оглядела дядюшку Казимира. Что-то он уж очень положительно выглядел, а это обстоятельство, как знала девушка по горькому опыту, могло значить только одно: в семье совершенно не осталось денег. В таких случаях Аделаида Станиславовна брала управление финансами в свои железные руки и строго ограничивала нежно любимого Казимира.

¹⁶ Моя дорогая (*франц.*).

¹⁷ Кому нечего терять, тому нечего бояться (*франц.*).

мирчика, отчего тот чах, худел, таял и... хорошел на глазах. Отлучение от игры, выпивки и дорогих ресторанов действовало на него так благотворно, что в иные моменты он подумывал даже жениться на уродине-миллионщице или поступить на службу. Но так как миллионщицы, какими бы крокодилообразными они ни были, всегда шли нарасхват, а служба – занятие гадкое, унижительное и недостойное дворянина в бог знает уже каком поколении и к тому же высокородного польского шляхтича, то Казимир Станиславович неизменно возвращался на круги своя, то есть к привычной вольной жизни. И вновь Аделаида Станиславовна, вздыхая, отсчитывала ему на кутежи приятно хрустящие кредитки.

Разумеется, он разорял их. Но он делал это так мило, так непосредственно, что они почти не сердились на него. А он заискивал перед сестрой, льстил племяннице, клялся, что оступился в самый-самый последний раз... и кланчил, кланчил и клялся без конца, и почти всегда ему удавалось получить желаемое. Казимир Станиславович имел все основания гордиться собой, однако он и не подозревал, как сильно Амалия в глубине души презирает его, она же была слишком хорошо воспитана, чтобы дать ему понять это. Теперь же, однако, ее неприязнь усугублялась странным отчуждением. Девушка смотрела на дядю и думала: «Вот он жив, этот маленький, вертлявый человечек, а папа... папа умер». Она не могла примириться с тем, что в мире все осталось по-прежнему, как будто ее отца никогда и не было. И не было этой страшной его болезни, не было Ментоны, кладбища под кипарисами, ничего. Он умер, а жизнь продолжалась, и что-то подсказывало Амалии: жизнь будет для нее отнюдь не легкой...

– Приехали, – внезапно ворвался в размышления девушки голос Казимира Станиславовича. – Смотри.

Желтоватый двухэтажный особняк таранился на улицу узкими подслеповатыми оконцами. Улица заминалась на месте, отворачивалась и убегала стремительно куда-то вбок и вниз, увлекая с собой веселый ручеек воды.

– Роскошно! – не удержался дядя Казимир. Он помог Амалии выйти из кареты и, потирая маленькие белые ручки, в радостном возбуждении побежал впереди нее.

* * *

Лариса Сергеевна вкушала кофий. Она брала двумя пальчиками крошечную чашку, подносила ее к пухлому румяному рту, делала глоточек и со звяканьем ставила чашку обратно на блюдце. В благословенном XIX веке люди отнюдь не утруждали себя диетами, и оттого на столе перед Ларисой Сергеевной высились небольшая, всего с пол-локтя величиною, горка сдобных кренделей и других всяческих вкусностей. Можно было бы, конечно, перечислить их названия, но лучше все-таки этого не делать, не то враждующие между собой не на живот, а на смерть женские журналы, пропагандирующие здоровый образ жизни (обложка: вешалка костлявая; разворот: костлявая вешалка; и так далее), объединятся и начнут крестовый поход против медовиков, пампушек, марципановых сердечек, бланманже, суфле-вертю, а заодно и против тех, кто о них пишет. Хотя, в конце концов, автор сих строк никого и не призывает одобрять образ жизни купеческой вдовы.

Почтенная же купеческая вдова (ибо она и в самом деле – габаритами своими уж точно! – внушала почтение каждому, кто ее видел) пребывала в состоянии полнейшего и ничем не нарушаемого довольства. Дела шли так хорошо, что скучно даже говорить. Женихи, жаждущие ее утешить и прижать к своему любящему сердцу, объявлялись с завидной частотой: примерно по штуке в месяц. На их несчастье, Ларису Сергеевну не интересовало замужество. Пока не интересовало. Гораздо больше ее занимала судьба родственников, объявившихся на горизонте совсем недавно.

Поначалу Лариса Сергеевна не собиралась даже принимать их у себя. Про Аделаиду Станиславовну, жену своего брата двоюродного, ей доводилось не раз слышать, что та прохо-

димка, каких свет не видел. О Казимире и вовсе ходили толки самого дурного свойства, зато об Амалии никто не мог сказать ничего плохого, правда, как и ничего хорошего. Лариса Сергеевна удивлялась: ну, и имечко дали при рождении ее племяннице – Амалия-Изольда... и чего-то там еще! И куда только Костя бедный смотрел? А почему вообще не Гюльнара или Лаура какая-нибудь? Словом, может, Амалия эта и барышня как барышня, но, будь она даже семи пядей во лбу и красоты несравненной, Лариса Сергеевна не собиралась ею заниматься, равно как и прочими родственничками-нахлебниками. О чем вдова и намеревалась недвусмысленно заявить при встрече гордой полячке Аделаиде, ломаче и кривляке. Однако...

Аделаида Станиславовна оказалась куда хитрее, чем полагали досужие сплетники. Для начала она, явившись к Ларисе Сергеевне, смиренно признала, что, увы, все, что говорят о ней и ее родных, – чистейшая правда. Да, Казимир пьет, но кто этим не грешен? В картишки любит перекинуться, а кто не любит? И с ней, Аделаидой, фортуна обходится гораздо круче, чем она того заслуживает, иначе бы она и не была здесь, у драгоценной сестры дорогого Constantin'a (всхлипы, шуршание платка). Леле-то осьмнадцатый год скоро будет, девица на выданье, а женихи за версту огибают. Разорила их отцова болезнь, но это ничего, ради него, Костеньки, они последнюю рубашку снимут, по свету пойдут. (Аделаида хотела сказать: по миру.) На все решительно готовы, на все! Только Леле за что же страдать? Ведь если у нее тоже чахотка откроется, подумать даже страшно, что с ней будет! Брат ведь ее в два месяца сгорел, бедняжка. А ежели без чахотки обойдется да не выйдет девка замуж? Это же пострашнее любой болезни окажется!

В каждой женщине, как сказал некто мудрый, дремлют ведьма, теща и сваха, которые только и поджидают удобного случая, чтобы проснуться. Купеческая вдова Вострякова и сама не заметила, как ее заманили в ловушку. Разумеется, ее дорогая племянница (которую она и в глаза-то не видела) достойна самой лучшей партии – негоже, чтобы дочь Константина Владимировича Тамарина осталась прозябать в старых девах! Лариса Сергеевна держалась на сей счет самого недвусмысленного мнения: женщина должна быть замужем, то есть за мужем; все остальное – блажь и чепуха.

– Ах, она еще так молода! – причитала Аделаида Станиславовна. – Мое дорогое дитя, она ведь у меня одна осталась! Я не переживу, если с ней что-нибудь случится, не переживу! Она так хрупка! – А затем она выложила последний козырь: – Ее здоровье внушает мне серьезные опасения...

Belle Adélaïde¹⁸ была великолепна. Ее выразительный голос звенел и перекатывался под серым потолком гостиной купеческой вдовы; некоторые слова она выговаривала тверже, чем уроженки севера, что отнюдь не убавляло ее очарования. Сухие напряженные глаза, углы губ трагически припухли, правая рука комкает платочек – такой позе могла бы позавидовать любая артистка, мечтающая о славе Сары Бернар. Кстати, те же досужие сплетники утверждали, что в молодости Аделаида Станиславовна немного флиртowała с театром, но была худшей любительской актрисой, какую только можно себе вообразить. Что ж, очень может быть, однако что касается театра жизни, то здесь ей не было равных. По натуре прекрасная полячка была бойцом, и не имелось решительно никакой возможности помешать ей, если она забрала себе в голову добиться чего-либо – она сметала все препятствия, и самые изощренные противники пасовали перед ней. Ошеломленная ее натиском, Лариса Сергеевна попробовала утешить дорогую родственницу. Она посмотрит, что можно для нее сделать. Для нее и для душеньки Амалии. Она постарается... Тут Аделаида Станиславовна выпрямилась, обожгла вдову надменным взглядом и с непоколебимой твердостью заявила:

– Я не допущу, чтобы моя дочь вышла замуж за какого-нибудь босяка! Лучше смерть! – Правда, для кого именно смерть, она благоразумно уточнять не стала.

¹⁸ Прекрасная Аделаида (франц.).

Лариса Сергеевна сама была не на шутку рассержена. Ни-ни-ни, сохрани бог от бедных студентов, сирот с неопределенным будущим и всяких темных личностей, лишенных будущего вовсе! Дорогая Аделаида должна ей довериться. Они вместе все обдумают. Семнадцать лет – самый подходящий возраст, чтобы определить свою судьбу. Особенно когда ее уже определили другие.

– Ах, вы так добры! – вскричала Аделаида Станиславовна в экстазе. – Так добры! Теперь я верю, что, если со мной что-нибудь случится, вы не оставите мое бедное дитя своей заботой.

Лариса Сергеевна несколько опомнилась. Она вовсе не собиралась брать на себя заботу ни о каком «бедном дитяти». Если уж на то пошло, она вообще не любила детей, но было очевидно – дело зашло слишком далеко, и теперь ей придется откупаться от назойливой полячки. Без особого удовольствия вдова предвкушала просьбу о денежном вспомоществовании, которую придется-таки удовлетворить: родственники, в конце концов... Однако тут она жестоко просчиталась, еще раз недооценив Аделаиду Станиславовну.

– Вы мой ангел! – прошептала сорокадвухлетняя полька (хотя в вечернем освещении не больше тридцати трех). – Вы даже не подозреваете, как я благодарна вам за то, что вы сняли такую тяжесть с моей души! Представляете, мне совершенно не с кем поговорить о моей обожаемой дочери! Есть, конечно, дорогой Казимир, но вы знаете, мужчины такие ограниченные! Я пришлю вам карточку моей Amélie. Вы сами увидите: она просто прелесть! А какие письма она пишет: Вольтер! Руссо! Гораций! И, разумеется, я буду вас держать в курсе здоровья дорогого Кости. До свидания и спасибо вам за все!

Лариса Сергеевна и рта не успела раскрыть, как ее гостья, похожая в своем броском экстравагантном одеянии на тропическую птицу, неведомо как упорхнувшую из клетки зоологического сада, скрылась за дверью. Без взбалмошной Аделаиды комната сразу же сделалась заурядной и унылой. Даже чашки на столике, казалось, помрачнели, а чайник повесил нос. Впервые в жизни Лариса Сергеевна ощутила, как ей, в сущности, одиноко...

– Я говорил тебе: надо было сразу же взять у нее в долг! – рычал Казимир вечером, возбужденно бегая по дурно обставленному номеру гостиницы, который они снимали за невозможностью снять что-то получше.

– Не волнуйся: эта старая корова никуда не денется. Уж я-то знаю! – победно заключила Аделаида, захлопывая двойное карманное зеркальце, перед которым она только что пудрила нос.

«Старая корова» после жестоких терзаний послала за ними, и дело кончилось тем, что брат и сестра переехали в купеческий особняк и устроились там на всем готовом. Казимир получил строжайший наказ вести себя пристойно, в противном случае Аделаида пообещала сдать его в старости в богадельню. Она знала, что он ничего не боится так, как этой угрозы.

В конце марта из Ментоны пришла телеграмма по-французски от Амалии. Лариса Сергеевна первая прочитала ее и дала Аделаиде Станиславовне. Горе последней было глубоко. Она негодовала, что бог мог допустить смерть ее мужа, жаловалась на небо, на людскую несправедливость и бессвязно обещала, что в конце концов всем воздастся по заслугам. Лариса Сергеевна была потрясена. Аделаида во что бы то ни стало хотела немедленно ехать во Францию, но Казимир остановил ее, с расписанием поездов в руках доказав ей, что они все равно не успеют на похороны. К чести незабвенной Аделаиды Станиславовны, следует сказать, что и сама она была в это время не слишком здорова. В общем, она дала себя уговорить.

Лариса Сергеевна вздохнула и взяла печенье. Оно было маленькое, необычайно вкусное и так и таяло во рту. В следующее мгновение почтенная вдова чуть не подавилась, потому что распахнулась дверь, и влетевший впопыхах Казимир закричал что было силы:

– Она здесь!

– Кто? – откашлявшись, простонала бедная купчиха.

– Наша Amélie!

Лариса Сергеевна посерьезнела и поднялась из-за стола. Близился самый ответственный момент в ее жизни. Она помедлила и приказала Казимиру, словно он был ее слугой:

– Проси.

Глава 3

Не каждому дается естественно подняться по ступеням чужого дома и естественно войти в чужую жизнь. Но Амалии это удалось.

Просторная комната, четыре угла и посредине – женщина. Не первой молодости (но и не последней), красивая, крупная, но отнюдь не толстая. Лицо широкое, с мелкими правильными чертами и гладкой, без единой морщиночки, кожей. Русые волосы чуть тронуты рыжиной и убраны в какой-то сложный крендель, на носу – несколько веснушек. Платье тяжелое, не то голубое, не то серое, с широченной юбкой. На шее – нитка жемчужных бус, в ушах – такие же сережки. Глаза у хозяйки светлые, пытливые, изучающие, и смотрит она на Амалию, не отрываясь. Девушка потупилась и нервно переложила из руки в руку белую муфточку, с которой почти никогда не расставалась.

Что говорить? Что делать?

– Вот оно, наше сокровище! – гордо объявил Казимир, расплывшись в широкой улыбке.

Лариса Сергеевна обернулась и ужалила его таким взглядом, словно он был нерадивым приказчиком, утачившим у нее штуку лучшего голландского полотна. Казимир побледнел, смешался и от греха подальше нырнул за спину Амалии (макушкой он как раз доставал своей племяннице до плеча).

– Здравствуй, тетушка, – сказала Амалия первое, что пришло ей в голову.

Лариса Сергеевна была вовсе не глупа. Она прекрасно понимала, что полька Аделаида и ее братец беззастенчиво используют ее, Ларисы, доброту, и оттого не ожидала от появления Амалии ничего хорошего. Неведомую ей барышню Тамарину Вострякова заранее представляла себе как смягченный вариант ее маменьки – такую же неискреннюю, пылкую, яркую втирушу. А вместо этого перед вдовой оказалась серьезная, даже грустная девушка с усталым взглядом, в черном платье, черной накидке и без малейшего следа украшений на руках или на шее. Она не заискивала, не притворялась, не льстила, не лгала. И это больше всего сбilo Вострякову с толку. Все заготовленные для встречи слова разом вылетели у нее из головы.

– Ну что ж, здравствуй, – ответила она на приветствие Амалии. – Я... словом, я знала твоего отца. – Она увидела, что девушка переменялась в лице при этом упоминании, и рассердилась на себя за свою бестактность. – Стало быть, Амалия, добро пожаловать, – преувеличенно бодрым тоном заключила Лариса Сергеевна.

Амалия хотела ответить, но тут в комнату вихрем влетела Аделаида Станиславовна. Широко распахнув объятия, словно дочь могла куда-то убежать от нее, прекрасная полька бросилась к Амалии.

– О! Моя дочь! Как же я рада видеть тебя, дорогая! Моя бедная девочка, сколько испытаний тебе довелось пережить! Какая же ты бледная! Ты, наверное, устала с дороги? Это моя дочь, – зачем-то сообщила она Ларисе Сергеевне, – Амалия, но я зову ее просто Леля! Она отрада моего сердца! Особенно теперь, когда бедный Константин...

Тут Аделаида Станиславовна выхватила из кармана платок и зашлась в громком плаче. Амалия опустила глаза. Она никогда не могла понять, искренне ли мать ведет себя в тот или иной момент или просто притворяется. Вот сейчас... Конечно, Аделаида любила своего мужа, но то, что она словно выставляла свое горе напоказ, коробило девушку, от природы довольно сдержанную, и потому преувеличенные проявления чувств матери казались ей ненатуральными.

– Будет вам, – вмешалась Лариса Сергеевна. – Все равно теперь уже ничего не изменишь... А девочке надо отдохнуть. Пойдем, дорогая, я покажу тебе твою комнату.

И Амалия покорно двинулась вслед за теткой, которая не шла, а словно плыла в своем платье с широченной юбкой, и серьги в ушах Ларисы Сергеевны покачивались в такт ее шагам.

Когда Лариса Сергеевна и Амалия покинули гостиную, Аделаида Станиславовна отняла платок от глаз и громко высморкалась.

– Она ее приручила, – сказала она брату по-польски. – О-ля-ля! – И в избытке хорошего настроения дернула его за ухо, точь-в-точь как в детстве.

– С чего ты это взяла? – поразился Казимир.

– У меня только два уха, как и у тебя, – отозвалась его непревзойденная сестра, – но... Слушать надо! Теперь осталось лишь разобраться с нашим состоянием.

– А что, у нас есть какое-то состояние? – насторожился брат.

– Нет, это только так говорится, – отмахнулась Аделаида. – Я имею в виду завещание, долги Константина, это несчастное имение в Полтавской губернии и прочее. – Казимир тяжело вздохнул. – Не робей, *Казимеж*, выше нос! Бог посылает нам испытания, чтобы мы стали стойкими.

– Это была любимая пословица бабушки Амелии, – мрачно напомнил Казимир. – Она обязательно произносила ее, когда выходила замуж, а замужем она была целых семь раз.

– Ну и что в том плохого? – возразила Аделаида Станиславовна. – Семь – очень хорошее число, оно всегда приносит счастье!

– Кстати, насчет замужества, – осторожно начал Казимир. – Твои, гм, брачные прожекты в отношении Лели...

– Какие прожекты? – искренне удивилась прекрасная Аделаида.

– Ну, то, о чем ты говорила с Ларисой...

– Ах, ты об этом? Ну так ведь ничего еще не решено! Поживем – увидим.

– Помнится, – пробурчал себе под нос Казимир, – так всегда говорила бабушка очередному мужу, ведя его к алтарю. А еще она любила повторять, что лучше стать вдовой, чем оставить вдовца. А еще...

Но тут Аделаида Станиславовна поглядела на него так грозно, что он счел за благо замолчать.

* * *

В последующие дни положение семьи обозначилось более четко. Завещание было вскрыто и оглашено, брачные проекты наметили жертву и цель, а дела денежные явили себя во всем своем пошатнувшемся величии.

Итак, Амалия унаследовала имение, распорядиться которым могла, начиная со дня своего восемнадцатилетия, а до того времени опекуней над нею назначалась, вполне естественно, ее мать, которой отписывалась пожизненная рента сверх того, что ей пожелала бы по своей воле дать *Amélie*. Имение было запущенное, опутанное сетью залоговых ссуд, однако приносило кое-какой доход, хоть и небольшой. (Как заметила практичная Аделаида Станиславовна с присущей ей прямоотой: «Все лучше, чем ничего, дорогая».) Казимир Станиславович в завещании не упоминался вовсе. Если он и был недоволен данным обстоятельством, то, во всяком случае, никто этого не заметил.

Пока семье удавалось избежать трудностей, но было ясно, что долго так продолжаться не может, и необходимо срочно что-то решать. План Аделаиды Станиславовны был таков: выдать Амалию замуж и тем самым обеспечить ей более или менее безбедное будущее. Не будем торопиться с обвинениями в корысти и холодном расчете. Аделаида Станиславовна думала точно так же, как большинство матерей в то время, что отнюдь не умаляло ее искренней привязанности к дочери. Она гордилась тем, что ее Леля такая красивая, умная и образованная, и дело было только за тем, чтобы подыскать ей достойную пару.

– Пожалуй, – рассуждала Аделаида Станиславовна, – я бы выдала ее за поляка, но с ее приданным вряд ли выйдет что-то путное. И потом, на поляка никогда нельзя положиться, а я не желаю, чтобы мою Амели обманывали со всеми встречными.

– Русские тоже изменяют своим женам, – возражал Казимир. – Хотя знаешь, – горестно прибавлял он, – они очень расточительны. Я боюсь, как бы с таким зятем мы сами не оказались на мели.

– Та-та-та, – перебивала его сестра нетерпеливо, – покажи мне такого, кто бы не любил сорить чужими деньгами. – Казимир Станиславович выразительно вздыхал. – С другой стороны, с прижимистым может получиться еще хуже: бедняжка будет ходить в одном платье, постоянно его пере... пере... перешивая. – Слезы набегали ей на глаза, как только она представляла себе дочь в единственном платье. – Я этого не вынесу!

– Ада, дорогая... – стонал Казимирчик, начиная метаться в поисках нюхательной соли. Но прежде, чем он ее обнаруживал, Аделаида Станиславовна обычно успокаивалась.

– Но на них же не написано! – восклицала она, трагически всплескивая красивыми руками (и тотчас поправляла сбившуюся набок от этого движения шаль).

– На ком? – вопрошал Казимир с суеверным ужасом.

– На женихах.

– Что написано? – понизив голос, робко осведомлялся Казимир.

Аделаида Станиславовна взрывалась.

– *Казимеж*, ты глупец! Я говорю о хорошей партии для моей дочери, а ты о чем думаешь? Стыдись!

Казимир смолкал и стушевывался.

– Почему ты молчишь? – раздраженно восклицала Аделаида Станиславовна. – Мне необходимо знать твое мнение!

– Мое мнение?

– Да!

– Ну... выдадим ее замуж...

– За кого?

– Найдется... – туманно отвечал Казимир, поводя в воздухе рукою.

– За нищего? – грозно рычала Аделаида Станиславовна, вмиг превращаясь в львицу. – За голодранца?

(Заметим в скобках: как это ни печально, но поговорку «с милым рай и в шалаше» выдумал мужчина, причем тот, у которого ничего не было, кроме этого самого дырявого шалаша.)

Видя, что сестра гневается, Казимир съезживался и мечтал провалиться под землю или куда-нибудь еще дальше. Однако у Аделаиды Станиславовны было одно замечательное свойство: она успокаивалась гораздо быстрее, чем выходила из себя.

– Голодранец нам ни к чему, – робко высказывал предположение брат.

– Ни к чему, – соглашалась сестра, энергично обмахиваясь веером.

– А может, богатый посватается? – делал Казимир следующий шаг.

– Деньги льнут к деньгам, – чеканила Аделаида Станиславовна. – Ну, разве только если Леля очень, очень приглянется.

– А она может, – шептал Казимир зачарованно, предвкушая, как будет с зятем кутить в «Яре» или у Тестова. Икра черная, икра красная, осетрины горы, вина море, цыгане... Цыган с их визгливой надрывной музыкой Казимир не любил, но раз для полноты картины надо, чтобы они были, пусть будут.

– Нет, это вряд ли, – вздыхала Аделаида Станиславовна.

– Почему? – искренне удивлялся Казимир, еще замороженный недавней волшебной мечтой, хотя цыгане с осетриной ныряли в скрипки и прекрасная жизнь скрывалась из глаз.

– Все богатые уже переженились. Думаешь, долго им дадут холостыми-то гулять? – горько вопрошала прекрасная полька.

В глубине души Казимир благодарил бога за то, что он беден. После богадельни он больше всего боялся, что в один прекрасный день ему придется жениться, а перед семейной жизнью Казимирчик испытывал совершенно необъяснимый ужас.

– Хорошо бы дворянина, с происхождением, – мечтал он, сладко шуря глаза. – Все-таки мы с тобой Браницкие, рода знатного, да и Тамарины не последние, считай, будут.

Аделаида Станиславовна поджимала губы. Это было для нее больной темой.

– Так-то оно так, – кисло соглашалась она, – да что с нас возьмешь? Происхождением зад не прикроешь и на завтрак его не съешь.

Надо признать, что Аделаида Станиславовна умела называть вещи своими именами.

– В Петербург бы ее, ко двору представить, – заносился Казимир в заоблачные выси.

– Та-та-та, – возвращала сестра нового Икара на землю. – Не на что, друг мой, не на что!

Казимир шумно сморкался.

– Так что же нам делать? – спрашивал он несмело.

– За старика я ее не отдам, – продолжала размышлять вслух прекрасная Аделаида. – Я видела, во что превращаются молодые жены после нескольких лет жизни с мужем, который им в прадеды годится.

– Зато старик умрет и оставит ей все свое состояние, – напоминал Казимир, – и твоя дочь вновь будет свободна, как ветер.

– Пожалуй, ты прав, – вздыхала Аделаида Станиславовна, – но в том-то и дело, что они упорно не желают умирать. Нет, – восклицала она, встрепенувшись, – старики так отвратительны! Я не хочу, чтобы моя Амели возымела отвращение к семейной жизни.

– Там увидим, – заключал Казимир безнадежно.

Вечером, шурша платьем, Аделаида Станиславовна заглянула к дочери. Амалия сидела за столом, распустив по плечам волосы, и читала французскую книжку. Тут же была и Даша, которая причесывала свою госпожу. Верная Дашенька уже успела коротко сойтись с домашней прислугой Востряковой и самоотверженно докладывала Амалии все, что ей удалось разведать. Служанка купчихи Хвостовой, жившей по соседству, видела Амалию и нашла ее слишком тощей, что и высказала со всей прямоотой в разговоре с поваром Ларисы Сергеевны. Аделаиду Станиславовну слуги за глаза кличут «польской ведьмой», дядюшка Казимир наемни сражался со старшим лакеем в три листика...

– А еще, барышня, недавно приезжал какой-то человек, весь в золотых перстнях, из себя очень важный и словеса сквозь зубы цедил.

Амалия отвернулась и поглядела за окно.

– Бороздин, – сказала она скорее утвердительно, чем вопросительно.

Даша энергично кивнула и продолжала:

– Лакей Петруша случайно кое-что слышал...

«Подслушивал под дверью», – мелькнуло в голове у Амалии.

– У него векселя, подписанные вашим батюшкой.

Амалия по-прежнему рассеянно глядела за окно.

– А Лариса Сергеевна... – Даша собралась с духом, – их выкупила.

По совести говоря, Амалия должна была чувствовать лишь благодарность к своей двоюродной тетке, которая вовсе не обязана жертвовать ради них деньгами, однако ничего подобного не ощущала. Амалии было немного скучно, немного стыдно и очень неприятно. Вот и все.

– А еще говорят... – начала Даша, но тут же замолчала и стала с удвоенным рвением расчесывать волосы Амалии – вошла Аделаида Станиславовна.

– О, да ты прекрасно устроилась, – заметила мать, окидывая взором угрюмую комнату, явно похорошевшую от женской заботливой руки. – Амели! Нам надо поговорить.

Даша, сообразив, что она тут лишняя, быстро ретировалась. Амалия почувствовала глухое недовольство.

– Я вас слушаю, татап, – промолвила она со вздохом.

Аделаида Станиславовна села напротив дочери и взяла ее руки в свои. Руки были холодны, как лед.

– Дорогая, – внезапно сказала мать, – я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

«Этого-то я и боялась», – подумала Амалия.

– Скажите мне прежде одну вещь, татап, – проговорила она, страдальчески щурясь. – Мы разорены?

Момент предоставлял неограниченные возможности для незаурядной драматической сцены. Аделаида Станиславовна набрала в грудь побольше воздуха – но увидела в глазах дочери искорки, которые, бог весть почему, мгновенно заставили ее переменить решение.

– Я бы не стала употреблять это выражение, – проговорила она, тщательно подбирая слова. – Но – наши дела очень плохи. Все так запуталось...

Призрак нищеты вытянулся во весь рост перед Амалией и глумливо высунул красный лоскутный язык. Она поморщилась, и видение исчезло.

– Что же нам делать? – просто спросила Амалия.

Аделаида Станиславовна выпустила ее ладони и погладила дочь по рукаву.

– Ну, Амели! Мы что-нибудь придумаем. Всякое ведь может произойти, верно? Вдруг Надежда Львовна, бездетная кузина Константина, умрет и оставит нам наследство.

Амалия поморщилась.

– Она уже лет двадцать умирает, – со всем эгоизмом молодости заявила она, – и будет умирать еще четверть века, а в конце концов переживет нас всех.

– Ну, может, еще кто-нибудь умрет, – оптимистично заметила Аделаида Станиславовна. – Или ты, к примеру, выйдешь замуж за хорошего человека, и... и все наши трудности разом перестанут существовать.

Амалии отчего-то стало жарко. Она передернула плечами и уставилась в угол.

– Дорогая, – предостерегающе сказала мать. – Уверю тебя, выйти замуж вовсе не так уж плохо. И потом, никто тебя вовсе не неволит. Тебе пришлось очень многое пережить в последнее время. Тебе надо отдохнуть, развеяться. Съездишь на бал, потанцуешь, познакомишься с ровесниками... – Губы Аделаиды Станиславовны дрогнули. Амалия упорно не поднимала взора. – Полно, дорогая, ты ведь уже не маленькая, должна все понимать. Помни: я на тебя рассчитываю.

Аделаида Станиславовна поднялась с места.

Амалия понимала – нельзя до бесконечности злоупотреблять великодушием тетки, нельзя надеяться на неожиданное наследство, нельзя сидеть сложа руки. И все-таки в глубине души она роптала. Что до Аделаиды Станиславовны, то вначале она использовала разговор о замужестве дочери лишь как предлог, чтобы навести мосты к богатой купеческой вдове и найти с ней общий язык, теперь же, перебрав все возможности, она окончательно убедилась: иного выхода нет. Именно для того, чтобы выдать Амалию замуж, Аделаида Станиславовна решила пока не возвращаться в родовое имение. Тамарино располагалось в Полтавской губернии, и все женихи в тамошних краях были наперечет. То ли дело древняя столица – тут определенно есть над чем поразмыслить. Однако жизнь в ней не то что в какой-нибудь украинской деревушке, где тишь да гладь, глушь да благодать, – большой город требует больших жертв, и не только человеческих. Пребывание в Москве вряд ли оказалось бы им по средствам, не приди к ним на помощь «великодушнейшая, добрейшая, честнейшая» Лариса Сергеевна. Особенно двоюродной тетушке пришлась по душе Амалия – скромная, серьезная и спокойная, не то что нонешние барышни, которые своей резвостью хоть кого с ума сведут. И Лариса Сергеевна с удвоенной энергией взялась за устройство ее судьбы.

– В этом мире для женщины есть только одно приличное занятие: замужество! – заявила купеческая вдова и стала подыскивать Amélie подходящую партию.

Как известно, партии, особенно подходящие, на дороге не валяются, и для их привлечения приходится хорошенько попотеть. Для начала Амалию сводили к портнихе, обшивавшей всех купчих по эту сторону Язуы. Портниха сшила добротное палевого цвета платье, надев которое Амалия разом подурнела, постарев лет на десять. (Палевый, к вашему сведению, вовсе не синий, не красный и не изумрудный, а всего-навсего блекло-желтый, что и неудивительно, принимая во внимание, что *raille* по-французски означает «солома».)

– Charmant! Délicieux! Чудесно! Восхитительно! Бесподобно! – вскричала Аделаида Станиславовна, едва завидев платье; но стоило Ларисе Сергеевне шагнуть за порог, неугомонная полячка шепотом велела Амели отдать палевого монстра ей, а она уж подыщет в своем гардеробе для дочери что-нибудь более подходящее. Так Леля получила в свое неограниченное пользование восхитительное голубое платье, расшитое серебром, а Аделаида Станиславовна героически облачилась в купеческую рухлядь, объяснив изумленной благодетельнице, что, дескать, фасон палевого шедевра был столь очарователен, что она, Аделаида, не смогла устоять перед искушением. Надо сказать, Лариса Сергеевна охотно ее извинила.

После портнихи наступила очередь парикмахера. Он обошел вокруг Амалии, насупил брови и объявил, что ее прическа никуда не годится, да и вообще прямые волосы сейчас никто не носит. Больше всего на свете Амалия ненавидела локоны, но делать было нечего – куафер уже подступился к ней с раскаленными щипцами, предвкушая, какую образцовую мадемуазель он сотворит из этой очаровательной барышни. Увы, дело не заладилось, ибо обычно ловкий парикмахер ухитрился уронить щипцы себе на ногу, простреленную еще в достопамятную Крымскую кампанию. Вопли, раздавшиеся непосредственно после этого трагического инцидента в салоне почтенного француза, непередаваемы решительно ни на какие языки, по крайней мере в одобренном цензурой виде. Лариса Сергеевна поспешно увела племянницу, которая была весьма удручена происшедшим и едва сдерживала слезы. Сам парикмахер, впрочем, потом клялся своему соотечественнику, обувщику Шарпантье, что *cette canaille blonde*¹⁹ пребольно уколола его булавкой в ляжку, едва он приблизился к ней с щипцами. Но такое его заявление никак не вяжется с нежным обликом мечтательной Амели, и... в общем, будем считать, что все это подлые наветы и гнусная клевета.

По счастью, визитом к куаферу все приготовления к выводу барышни Тамариной в свет были завершены. Амалию ничему не требовалось учить: она превосходно танцевала, играла на фортепьяно, получила основательное домашнее образование и говорила на пяти языках – французском, польском, немецком, итальянском и даже английском, хотя доподлинно известно, что последний совершенно непригоден для светского общения, так как все сколько-нибудь стоящие люди говорят по-французски, а от тех, кто не владеет этим ласкающим слух наречием, заведомо нельзя ждать ничего хорошего. Пожалуй, будь у барышни Тамариной поболее приданого, она бы определенно была обречена на успех.

Первый выход в московский свет был приурочен к большому балу у Ланиных. Накануне донельзя взволнованная Лариса Сергеевна устроила смотр Амалии, приказывая ей поклониться, подать руку воображаемому кавалеру, присесть и улыбнуться, а Аделаида Станиславовна поднесла дочери жемчужный убор, изъятый из бог весть каких потайных закровов. В голубом с серебром платье, в жемчугах, с простой, но изящной прической Амели была неотразима, и Лариса Сергеевна, вспоминая себя саму в этом возрасте и свой первый выход в свет, непозволительно расчувствовалась. Ведь и она сама была когда-то худой девушкой с торчащими лопатками и невыразительным лицом, до того как превратиться в тяжеловесную, суро-

¹⁹ Эта белокурая дрянь (*франц.*).

вую, уверенную в себе особу, не питающую заблуждений ни на чей счет. Аделаида Станиславовна роняла слезы умиления, глядя на дочь; она и в самом деле была растрогана.

– Ах, дочь моя, как я вам завидую! – воскликнула она в порыве чувств.

Амалия же со своей стороны считала, что в ее положении нет ничего завидного. Сердце ее было свободно, и идея оказаться замужем ничуть ее не прельщала. Но девушка из хорошей семьи не может служить, как какая-нибудь горничная, получая за работу деньги; и на иждивении у родных она тоже не может оставаться до бесконечности. Все это Амалия прекрасно помнила, хотя в душе и не желала с таким порядком вещей мириться. Если бы у нее был хоть какой-нибудь талант, с помощью которого она могла бы заставить мир говорить о себе и обрести пусть шаткую, но независимость! Увы, такого таланта у Амалии не водилось. Пела она не лучше остальных, рисовала посредственно – хорошо у нее выходили только забавные мышки с длинными усиками. От случая к случаю сочиняла стихи, как большинство барышень ее круга, но все это было не то. Идти на сцену? Амалия умела с чувством произнести монолог, подражала разным голосам, но то же самое умеют делать тысячи людей и однако же век остаются на том месте, какое отвела им скаредная судьба. Порою, когда Амалия давала волю фантазии и очень похоже изображала кого-нибудь из знакомых, мать шептала Казимиру:

– Из нее вышла бы великая актриса.

– Не дай бог, – отвечал тот с чувством, вспоминая, как одна такая «акрыса» обобрала его дочиста в позапрошлую зиму в Одессе. Правда, она была прелестна, и при одном воспоминании о ней что-то приятно начинало щекотать у него внутри.

Бал, как уже упоминалось выше, был назначен на следующий день, а именно на двадцать шестое апреля. Амалию завели (к счастью, без щипцов), причесали, одели, кучер Павлуша уже вывел во двор карету, и тут во входную дверь неожиданно постучали. Это был, разумеется, злой рок, только на этот раз он принял облик самого заурядного посыльного. Аделаида Станиславовна как раз поправляла на дочери жемчужный убор, когда вошла заплаканная Лариса Сергеевна. Мать Амалии и Казимир обменялись тревожными взглядами.

– Бал отменяется, – сказала Лариса Сергеевна, не замечая, что от расстройства шмыгает носом, как самая обыкновенная прачка. – Жюли, дочь Ланиных, неожиданно умерла. Кто бы мог подумать! Ведь ей не было и двадцати лет.

равно: веселитесь, печальтесь – какая мне разница... Я видел столько поколений на своем веку, видел пожар Москвы, меня уже ничем не удивить».

Атмосфера скорби подействовала на Амалию угнетающе: воспоминание о недавнем собственном горе было еще слишком живо в ее сердце. Она не предполагала, что ей придется снова столкнуться со смертью так скоро, – *не переживая*, не соболезуя, из одного приличия, и это было ужаснее всего. Ей сделалось мучительно стыдно.

«И что я тут делаю?» – спросила она себя.

Тетка на ступенях лестницы разговаривала с каким-то высоким, необыкновенно прямым господином в сверкающих орденах. Господин изо всех сил старался казаться спокойным, но худое лицо его, обрамленное седоватыми баками, то и дело нервно подергивалось. «Это, наверное, отец умершей», – мелькнуло в голове у девушки. Тетка глазами дала ей знак подойти, но Амалия сделала вид, что не замечает его. Она повернулась и, как на грех, нечаянно наступила на ногу какому-то молодому человеку. Молодой человек ойкнул и выронил папку, которую держал под мышкой. Из папки высыпались бумаги. Амалия, желая исправить неловкость, скороговоркой пробормотала извинение и нагнулась за ними, но молодой человек сделал в точности то же самое, в результате чего они еще и столкнулись лбами. Молодой человек покраснел, Амалия тоже, но внезапно ей стало смешно. Тетка, стоя на лестнице, делала ей страшные глаза.

– Э-э... не трудитесь, я сам, – пролепетал молодой человек. Но Амалия, смеясь чуть ли не вслух, одарила его таким сияющим взглядом, что он поневоле тоже улыбнулся. Про себя Амалия отметила, что он очень некрасив, черты лица угловаты и резки, но улыбка у него мальчишеская, открытая, замечательная. Когда он не улыбался, то казался насупленным и выглядел гораздо старше своих лет – хотя ему вряд ли было больше двадцати с небольшим.

– Прошу прощения, это я виновата, – сказала Амалия. – Я безумно неловкая.

Вместе они собрали злополучные бумаги обратно в папку и поднялись на ноги. Молодой человек тщетно искал, что бы еще такое сказать, и Амалии стало немного жаль его. «Застенчив, – подумала она и, скользнув взглядом по его обтрепанным рукавам, мысленно прибавила: – И беден».

– Вы очень милы, что помогли мне, – он снова залился румянцем, – но, право же, не стоило...

Тут сзади подскочил щегольски одетый юноша с крошечными усиками в виде запятых и хлопнул его по спине сложенной газетой, которую держал в руке. Молодой человек побледнел и запнулся на полуслове.

– Ба, Зимородков, и ты здесь! – вполголоса, чтобы не нарушать приличий, воскликнул щеголь. – И кто это с тобой? Прелестная барышня. Ты ее уже допросил? Если это сестра Жюли, я с удовольствием ее унаследую, – и он послал «сестре» красноречивый томный взор.

Зимородков pokrылся пятнами. Он раскрыл было рот, чтобы ответить, но Амалия опередила его.

– К сожалению, – сказала она с самой очаровательной непринужденностью, – я не сестра Жюли, а ее бабушка. Так хорошо я выгляжу, потому что каждый день купаюсь в крови записных ловеласов. Пожалуй, для сегодняшней ванны вы мне подойдете.

Щеголь опешил. Зимородков фыркнул и поглядел на Амалию благодарными глазами.

– Ванны крови! – простонал щеголь. – Готические романы! Обожаю Анну Радклиф. Мадемуазель, вы меня покорили. К вашим услугам, – тут он лихо свел вместе каблуки и носки и склонился в низком поклоне, – Емельян Верещагин. Журналист. Пока неизвестный широкой публике, но в будущем, как знать... Однако как это может быть, что я вас до сих пор не видел?

– Дело в том, – ответила девушка совершенно серьезно, – что я стала брать ванны совсем недавно. Да-с.

– А-а, понимаю! Вижу. Вы меня презираете, прекрасная незнакомка. Берегитесь, я все равно узнаю, как вас зовут, и тогда месть моя будет ужасной. Статья в тысячу слов. Четыре колонки, и все они – о вашем совершенстве!

Амалия повела носиком.

– Всего тысяча? – задумчиво протянула она. – Как низко вы меня цените, господин журналист!

Верещагин опешил вторично. Для журналиста, изрядно понаторевшего в общении с людьми, это была настоящая катастрофа.

– Восхитительно! – пробормотал он. – Меня поставили на место. Молчу. Все, больше ни слова! – И молодой человек тотчас же вцепился в Зимородкова: – Но ты-то что тут делаешь, друг сердечный? Ведь, кажется, это вовсе не по твоей части.

– Я знал покойную, – ответил Зимородков, бросая на Амалию отчаянные взгляды.

– Знал? Вздор! Кого ты хочешь этим обмануть?

Сквозь толпу к ним уже спешила скандализованная купеческая вдова.

– Амели! – строго сказала она.

– Лариса Сергеевна! – кинулся к ней Верещагин. – Помните меня? – и присосался к ручке, как осьминог, и почтительно облобызал ее, а за ней и вторую.

– Емеля-пустомеля! – сказала Лариса Сергеевна, смягчаясь и грозя ему пальчиком. – Куда ты запропастилась, *chère nièce*?²⁰ – обратилась она к Амалии.

– Благодетельница! – простонал Верещагин, молитвенно складывая ладони. – Умоляю, представьте меня вашей племяннице! Иначе я наложу на себя руки посредством утопления в бочке с чернилами, а не то пронжу себе грудь заостренным гусиным пером!

– Болтунишка! – сурово осудила молодого журналиста купеческая вдова, однако Амалию все же представила: – Амалия Тамарина, моя племянница. А это Емеля Верещагин, пустейший из смертных.

– Ну что ж вы так! – закручинился журналист. – За что казните, незабвеннейшая?

– А вас как зовут? – спросила Амалия у юноши с папкой, которого знала только по фамилии.

– Меня? – вот тут он побагровел по-настоящему и едва выговорил собственное имя: – Александр Зимородков.

Амалия хотела сказать: «Очень приятно», но тут, как нарочно, встрял несносный Верещагин.

– Из московского департамента полиции, – ввернул он медовым голосом.

– А что такое? – всполошилась Лариса Сергеевна. – Что-то случилось?

– Как вы впечатлительны, *ma tante*²¹, – укоризненно заметила Амалия. – Человек просто пришел выразить свои соболезнования.

Емеля-пустомеля недоверчиво фыркнул. Еще одна корзина с цветами поплыла вверх по лестнице. Амалия невольно обратила на нее внимание – в корзине были только орхидеи. Их головки печально покачивались.

– Жених! – ахнул Верещагин. – Граф Полонский!

– *Comte Eugène*?²² – удивилась Амалия. – Разве он уже приехал из Франции?

Однако граф все же был здесь: хотя Амалия видела его со спины, трудно было спутать с чьим-то другим стройный силуэт человека, легко поднимающегося по ступеням. На лице Ларисы Сергеевны отразилась сложная смесь удивления и уважения.

– Как, моя дорогая, вы знаете графа Полонского?

²⁰ Дорогая племянница (*франц.*).

²¹ Тетя (*франц.*).

²² Граф Евгений? (*франц.*)

Амалия лишь пожала плечами, не снисходя до объяснений. На самом деле она видела графа только раз в Париже, на приеме у русского посланника, и они даже не были друг другу представлены. Впрочем, chère tante вольна думать себе, что хочет, – это ее право, и Амалия не собиралась ее разочаровывать.

– А вот и мать графа, – заметил Верещагин. – Вы знакомы с ней?

Он обращался к Амалии, но Лариса Сергеевна поспешила принять его слова на свой счет.

– Я бы желала, – сказала она, – но... Вы не могли бы представить меня?

Верещагин с явной досадой увел купеческую вдову. На лестнице граф Полонский на миг повернул к кому-то голову, отвечая на приветствие, и взгляд его при этом упал на Амалию. Она опустила глаза, а когда вновь подняла их, отец Жюли с протянутыми руками уже спешил навстречу молодому человеку. Они обнялись, как самые близкие люди. В глазах старика стояли слезы, Полонский что-то успокаивающе твердил ему, немного позади его мать – дама с надменным, когда-то фантастически красивым лицом – обмахивалась пышным веером из черных страусовых перьев. Граф Евгений... Какая досада – ведь он наверняка скажет тетке, что они незнакомы. Амалия встряхнула локонами (левый так и норовил угодить в глаз) и обернулась к Зимородкову. Странное дело, он еще не ушел.

– Значит, вы работаете в полиции? – спросила она. – Раскрываете убийства?

Зимородков потупился. У него были темные лохматые волосы и угольно-черные глаза. Высок ростом, шея короткая, мощная, плечи широкие, над верхней губой тонкий поперечный шрам. Одним словом: мужлан. Всякая другая барышня нашла бы его необыкновенно уродливым, но Амалии он почему-то нравился. Он был диковатый, жутко застенчивый, но при этом невероятно милый.

– Нет, – сказал он, словно нехотя. – Я, собственно, по мелким кражам больше... Вот.

И, сердясь на себя за то, что не сумел солгать половчее, представить свою фигуру в более выгодном свете, взглянул Амалии в глаза. Она улыбалась, и ее лицо по-прежнему излучало тот мягкий свет, который не давал ему отойти от нее.

– А собираете про убийства, – заметила она, мизинчиком, обтянутым кружевом перчатки, указывая на папку. – Зачем?

Пока он раздумывал, что бы такое ей ответить, она запросто взяла его под руку и повела за собой, подальше от скорбных гримас и траурной, церемонной толпы.

– Я собираю про нераскрытые убийства, – сказал он, про себя думал: боже, как глупо... Такая красивая барышня, сразу же видно, аристократка, а ты ей про такое, медведь несчастный! Осел ты, вот кто... – И, знаете, разные там случаи, не поддающиеся объяснению. Ведь не всегда нам удастся найти виновного, бывает и так, что он уходит от нас.

– Значит, здесь вы не просто так, – попытожила она.

Он вздохнул, колеблясь между искушением сказать правду и желанием успокоить девушку, которая наверняка знала Жюли. Зачем причинять ей боль? И он ответил:

– Емеля ввел вас в заблуждение. Уверю вас...

– Значит, вы не думаете, что Жюли убили?

Амалия произнесла эти слова совершенно буднично. Таким тоном спрашивают: «Не правда ли, какая сегодня хорошая погода?», подразумевая только один ответ – положительный.

– Вы смеетесь надо мной, – опасно сказал Зимородков.

Амалия поднесла руку к голове.

– Я? Нет. У вас лоб не болит?

Он фыркнул, вспомнив, как они давеча стукнулись головами. Амалия засмеялась. Тогда засмеялся и он. Они дошли до конца галереи и повернули обратно.

– Наверное, это должно быть интересно – заниматься кражами, – заметила Амалия.

– Я не занимаюсь кражами, – мягко поправил ее Александр, – я их раскрываю.

– О! А! Простите.

И оба снова засмеялись. Горничная, бежавшая им навстречу, посмотрела на них с укоризной.

– А на досуге, – продолжал Александр, – размышляю вот над этим. – И он кивнул на папку. – Прелюбопытные бывают истории.

– Правда? Расскажите.

Зимородков замялся. Он привык к поддразниванию светских барышень, привык к тому, что его, мелкого служащего, они не принимают всерьез; но Амалия, казалось, говорила искренне, и ей вроде бы нравилось слушать его. Поколебавшись, он открыл папку.

– Ну, взять хотя бы дело маркизы де Сентонж. О нем писали все французские газеты.

– Я, кажется, читала об этом, – сказала Амалия. – Странное самоубийство и всякое такое.

Они снова оказались у лестницы, став свидетелями душераздирающей сцены: маленькая женщина в черном безудержно рыдала, а господин в орденах тщетно пытался ее успокоить, губы у него дрожали. Женщина была матерью покойной. Зимородков заметил, что Амалия изменилась в лице.

– Уйдемте в сад, – попросила она, – и там поговорим, хорошо? Я... у меня недавно умер отец, и мне тяжело видеть все это.

Зимородков мысленно выругал себя за недогадливость. Он подал Амалии руку и повел ее прочь.

Глава 5

Три разрозненные заметки из «Сьекль Франсэ» (в переводе с французского его благородия господина коллежского регистратора Александра Зимородкова).

1) Заметка от 20 августа 1878 года.

Самоубийство маркизы

«В высшей степени прискорбное происшествие имело место в замке Сентонж всего два дня тому назад. Маркиза Элен де Сентонж, молодая, красивая жена владельца замка, покончила жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову перед вечерним ужином. Сам факт самоубийства сомнению не подлежит, ибо это ужасное событие случилось на глазах у пяти человек, которые до сих пор не могут опомниться от увиденного. Поговаривают, что маркиза решилась на отчаянный шаг, устав от ветрености своего супруга, маркиза Луи де Сентонжа, чьи галантные похождения давно сделались в округе притчей во языцех. Следствие, начатое господином Лапулем, пока не нашло других причин для столь отчаянного поступка. Впрочем, само следствие является чистой формальностью, ибо версия о самоубийстве благодаря уважаемым людям, которые оказались невольными очевидцами драматической гибели маркизы, не допускает каких-либо иных толкований».

2) Заметка от 27 августа 1878 года.

Загадочное самоубийство

От нашего специального корреспондента в департаменте Верхняя Луара г-на Басэспри: «Читатели «Сьекль Франсэ», несомненно, помнят, что на прошлой неделе мы сообщали о трагической гибели юной и прекрасной маркизы де Сентонж, которая застрелилась в мозаиковой гостиной замка своего супруга в присутствии значительного числа человек. Со стороны – подчеркиваем, со стороны – это дело представляется совершенно ясным. Все без исключения свидетели видели, как госпожа маркиза быстро вошла в гостиную, неся в руке револьвер. Все слышали ее предсмертные слова, обращенные к супругу, после чего маркиза приставила к виску оружие и нажала на спуск. Таким образом, факт самоубийства кажется неопровержимо установленным – и, однако, полицейский комиссар г-н Лапуль, известный среди коллег своей энергичностью, до сих пор не прекратил следствие. Более того, он совершенно убежден, что в данном случае речь может идти не о самоубийстве, а о хладнокровном, предумышленном убийстве. Почему?»

Начнем с того, что допрос слуг, проведенный с надлежащей тщательностью, выявил, что это было далеко не первое самоубийство маркизы, если позволительно так выразиться. Муж очаровательной Элен, маркиз Луи де Сентонж, отнюдь не хранил ей верности, и это приводило бедняжку в совершенное отчаяние, тем более что он никогда не скрывал от нее своих походов. Сначала она убеждала, увещевала, уговаривала его, потом в ход пошли слезы и, наконец, угрозы самоубийства. Увидев, что муж не принимает ее слова всерьез, Элен решилась на отчаянный шаг. Приблизительно четыре месяца тому назад, в апреле месяце, она вбежала в гостиную с револьвером, приставила его к своей голове и стала угрожать, что немедленно застрелится, если муж не отошлет прочь свою троюродную сестру Луизу, которая как раз тогда находилась у четы Сентонж в гостях. Хотя нежные отношения между троюродной сестрой (которая как раз сейчас добивается развода со своим мужем) и маркизом ни для кого не составляли тайны, все присутствующие были немного смущены драматической реакцией Элен, которую с трудом удалось убедить расстаться со смертоносным оружием. Как выяснилось, она позаимствовала его у семейного врача, доктора Огюста Террайе, который после этого случая спрятал револьвер в запирающийся ящик стола и вдобавок далеко убрал патроны, чтобы никто не смог ими воспользоваться. Несмотря на это, месяц спустя маркиза повторила попытку публичного самоубийства, когда Луизу сменила в замке подруга детства маркиза, очаровательная

герцогиня де С. Доктор Террайе отнял револьвер у несчастной женщины, после чего с ней произошел истерический припадок, и врач дал ей успокаивающих капель. Герцогиня де С., однако, от греха подальше предпочла уехать на следующий день, хотя маркиз всячески пытался убедить ее, что его жена немного сумасшедшая и с ней такое иногда случается. Сведения об этом разговоре мы получили от одной из горничных замка, которая добавила, что маркиз обращался со своей женой просто бесчеловечно и что все слуги в замке сочувствовали ей.

Теперь перейдем к тому, что произошло непосредственно 18 августа. С утра ничто не предвещало грозы. Элен де Сентонж уехала к своей больной тетке, м-ль Алис де Монфор, которую она часто навещала в последнее время. Воспользовавшись отсутствием жены, маркиз де Сентонж пригласил в замок м-ль Клер Демарэ, молодую актрису, подающую определенные надежды, причем не только на сцене. В обед за столом оказались только четыре человека – маркиз Луи де Сентонж, актриса, доктор Террайе и Матильда, сводная сестра Луи, которая живет в замке согласно завещанию их отца. Мать маркиза, уважаемая Жанна де Сентонж, не пожелала присутствовать на обеде, на который сын привел очередную любовницу, и удалилась к себе в комнату. Тем не менее, по словам очевидцев, обед прошел в непринужденной атмосфере благодаря м-ль Демарэ, которая непрестанно шутила и смеялась. После обеда доктор удалился к себе, а маркиз с актрисой отправились на прогулку верхом. Когда они вернулись, Матильда предупредила брата, что Элен только что приехала и наверняка устроит скандал, увидев в замке его любовницу. В ответ маркиз только махнул рукой и сказал буквально следующее: «Что, неужели она опять покончит с собой? Поскорее бы она это сделала, а то жить невозможно, честное слово». Дворецкий Фонтане и две горничные, Мари и Аньес, также подтверждают, что слышали эти слова.

Около шести часов вечера, перед ужином, в мозаиковой гостиной замка собралась группа из пяти человек. Это были: маркиз, м-ль Демарэ, Матильда, доктор Террайе и величественная госпожа Жанна де Сентонж, упорно игнорировавшая все попытки актрисы заговорить с ней. Согласно показаниям свидетелей, далее произошло следующее. М-ль Демарэ, на которую обстановка действовала угнетающе, повернулась к маркизу и шепотом спросила у него, не будет ли ей лучше уехать, так как у нее ужасно разболелась голова и вообще ей завтра надо быть в Париже и разучивать роль. Но маркиз не успел ответить, потому что в следующее мгновение в комнату вбежала бледная как смерть маркиза де Сентонж. В руке она держала тот самый револьвер.

Клер Демарэ приглушенно взвизгнула и подалась назад. Маркиз же, по воспоминаниям свидетелей, даже бровью не повел.

– Ну-с, Элен, – спросил он с иронией, – что вы нам покажете на сей раз, а?

– Ты видишь это, господи? – вне себя вскричала маркиза. – Ты знаешь, к кому я обращаюсь! Бог свидетель, я никого не любила так, как вас! За что же вы предали меня? За что?

Жанна де Сентонж шевельнулась. Она, как и все прочие, считала, что у ее невестки обычный истерический припадок, и не видела в происходящем особой опасности.

– Элен, дорогая, – начала она, – право же...

Но маркиза не слушала ее.

– После того, что вы со мной сделали, – крикнула она, – мне хочется только умереть!

Она поднесла револьвер к виску, и в следующее мгновение грянул выстрел.

Клер пронзительно закричала. Жанна де Сентонж застыла на месте, не веря своим глазам. Лицо маркиза сделалось серым, его сестра от ужаса потеряла сознание, а доктор едва успел протянуть руки, чтобы подхватить тело маркизы. Но она была уже мертва. Из разных комнат замка в гостиную бежали слуги, испуганные звуком выстрела. Узнав, что произошло, женщины стали плакать, а мужчины роптать, с неприязнью поглядывая на маркиза, так что он предпочел скрыться в своих покоях. Его мать, которая единственная из присутствующих сохранила присутствие духа, велела вызвать священника и полицию. Приблизительно через полчаса господин Лапуль уже прибыл в замок и приступил к расследованию.

Он добросовестно исполнил свой долг, опросил слуг и очевидцев, собрал вещественные доказательства и составил подробный отчет о происшедшем. На первый взгляд все представлялось донельзя ясным: несчастная женщина, которой пренебрегал муж, под влиянием минутного порыва отчаяния покончила с собой. Но тут начались одна за другой выясняться разные несообразности, которые заставили г-на Лапуля тщательнее взвесить факты и пересмотреть свою версию.

Во-первых, доктор Огюст Террайе показал, что и в первый, и во второй раз, когда маркиза покушалась на самоубийство, револьвер был разряжен, и в дальнейшем он хранил оружие незаряженным, что, учитывая обстоятельства, было более чем логично. После первого покушения на самоубийство доктор стал прятать оружие в ящике секретера, закрываемом на ключ, но, к несчастью, замки в нем такого свойства, что их сравнительно легко открыть, как в том убедился г-н Лапуль.

Во-вторых, дворецкий Гастон Фонтане, а также и маркиз, муж покойной, показали, что она совсем не умела пользоваться оружием, то есть не могла ни зарядить, ни разрядить его, и от этого даже не ездила на охоты, которые время от времени устраивал маркиз.

В-третьих, на прямой вопрос к доктору о том, не мог ли он сам зарядить револьвер, господин Огюст Террайе ответил отрицательно и в доказательство предъявил непечатую коробку патронов, которую он прятал в платяном шкафу, среди старых вещей. Когда г-н Лапуль открыл коробку, все патроны оказались на месте.

В-четвертых, следствие установило, что в револьвере была только одна пуля – в том гнезде барабана, которое должно было сработать при нажатии на спусковой крючок.

В-пятых, было установлено также, что во второй раз, покушаясь на самоубийство, маркиза поднесла револьвер к виску и нажала на спуск, после чего последовал сухой щелчок.

И, наконец, в-шестых, доктор в ответ на вопрос, верил ли он когда-нибудь, что маркиза всерьез помышляет о самоубийстве, ответил отрицательно. По его словам, маркиза просто была несчастна и не знала, как повлиять на своего беспутного супруга. То же самое сказали господину Лапулю Матильда и Жанна де Сентонж.

Выводы, возникшие у господина Лапуля, когда он узнал эти факты, очевидны. Существовал некто, заинтересованный в том, чтобы маркиза Элен де Сентонж перестала существовать. Зная о ее двух публичных покушениях на самоубийство, он изобрел план, поражающий своей адской простотой. Этот человек умел обращаться с оружием. Он тайком зашел в комнату доктора, когда того не было на месте, отпер секретер, в который было легко проникнуть, и зарядил револьвер одной пулей. Если ему повезет, решил он, маркиза снова попытается покончить с собой, возьмет то же самое оружие и, не исключено, надавит на спуск, как в прошлый раз. Если все произойдет именно так, налицо будет самоубийство, к которому не придерешься, ибо все произойдет при свидетелях, которые покажут, что маркиза сама убила себя.

Месье Лапуль изложил эти доводы в докладе комиссару округа, который согласился с ними. Таким образом, речь идет уже не о самоубийстве, а об умышленном, тщательно подготовленном убийстве. Но, какими бы неуязвимыми ни казались иные планы, в каждом из них непременно сыщется какой-нибудь изъян. В результате обыска было установлено, что в коробке револьверных патронов, которые принадлежали маркизу де Сентонжу, не хватает одного. У него был такой же револьвер, как и у доктора, хотя маркиз практически им не пользовался. Узнав, что одного патрона нет на месте, заявил, что маркиз, должно быть, недавно пробовал револьвер – действует ли он. К несчастью, ни один из многочисленных слуг маркиза не помнит ничего подобного, а ведь выстрел из револьвера нелегко пропустить мимо ушей. Тогда маркиз вспомнил, что он пробовал оружие на болоте, далеко от замка. Однако он не сумел дать господину Лапулю вразумительный ответ на то, зачем ему понадобилось забираться в болото для того, чтобы испытывать револьвер, который он даже не использует. Кроме того, при осмотре оружия маркиза выяснилось, что из него не стреляли по меньшей мере несколько

лет, потому что некоторые части механизма покрылись пылью и ржавчиной. Следовательно, маркиз просто-напросто солгал. Но с какой целью?

Ответ на этот вопрос вы узнаете в следующем номере «Съкль Франсэ». Мы следим за этим делом и сделаем все от нас зависящее, чтобы настоящий убийца маркизы де Сентонж понес должное наказание. Ибо правосудие должно свершиться, каким бы ни было общественное положение убийцы и как бы высоко он ни стоял. Оставайтесь с нами, дорогие читатели!»

3) Заметка от 3 сентября 1878 года.

«Дело о загадочном самоубийстве маркизы де Сентонж получило свое продолжение. 30 августа Матильда, восемнадцатилетняя родственница маркиза, которая с детства живет в замке Сентонж, отправилась на прогулку верхом. Домашним она сказала, что вернется к обеду, однако ни к обеду, ни к ужину так и не появилась. Адвокат Сен-Виктор, который в это время гостил в замке у маркиза, с которым они знакомы еще со школьных лет, настоял на том, чтобы отправиться на поиски. Тело несчастной девушки было найдено лишь на следующее утро. Осмотр трупа показал, что она была задушена. Дело передали комиссару Лапулю, который занимается также «самоубийством» маркизы. Сам г-н Лапуль уверен, что оба убийства связаны между собой. В беседе с нашим корреспондентом он заявил: на первом допросе ему показалось, что Матильда вела себя странно, уклонялась от ответов на вопросы и явно что-то скрывала. Очевидно, ей был известен настоящий убийца, но это был слишком близкий ей человек, чтобы она могла выдать его властям. Увы, теперь бедная девушка уже ничего не скажет – убийца маркизы де Сентонж заставил ее замолчать навсегда».

Несколько коротких заметок «Ревю паризьен»

10 октября 1878 года.

«Рассмотрев дело о самоубийстве маркизы де Сентонж, судья постановил, что в нем нет состава преступления, и закрыл его. Таким образом, новоиспеченный вдовец Луи де Сентонж может пока вздохнуть свободно».

6 ноября 1878 года

«Новая звезда сцены, м-ль Клер Демарэ, получившая широкую известность после «драмы Сентонж» (последняя, заметим, не имела никакого отношения к сцене), дебютировала в пьесе «Гроза в замке» драматурга Эдмона Вьёфиса-младшего».

10 декабря 1878 года

«Родственники маркизы де Сентонж подали на апелляцию, требуя признать так называемое самоубийство – умышленным убийством. Известный адвокат Сен-Виктор уверяет, что у них нет ни единого шанса».

22 февраля 1879 года

«Загадочное самоубийство маркизы де Сентонж и убийство родственницы ее мужа так и не были раскрыты и, похоже, не будут раскрыты никогда».

Глава 6

– Ну и что вы обо всем этом думаете? – спросил у Амалии Александр Зимородков, когда она вернула ему его записки. Молодые люди сидели в беседке, и весенний ветер ворошил непокорные жесткие волосы чиновника.

– Любопытное дело, – уронила Амалия.

– Вот и я так считаю, – горячо поддержал ее следователь. – На первый взгляд все подозрения падают на мужа, и только потом замечаешь, что все далеко не так просто.

– Полностью с вами согласна, – кивнула Амалия. – Кстати, из статей я так и не поняла, сколько лет было доктору.

Зимородков удивленно вскинул брови.

– Доктору? Доктор Террайте... Погодите, ему тридцать два года. Это я в другом уже месте нашел. А при чем тут доктор?

– Возможно, ни при чем, – покладисто согласилась Амалия. – Просто все это очень... очень странно. Поразительно смахивает на театральную драму, вы не находите? Ветренный муж, красивая страдающая жена, любовница-актриса, величавая мать мужа, его же восемнадцатилетняя сводная сестра, которая никому не интересна...

– Откуда вы это взяли? – поразился Зимородков.

– Слова, слова, слова... В одной из статей она называется сводной сестрой, а в двух других – просто родственницей. Если бы она была хоть сколько-нибудь заметной личностью, журналист не забыл бы, кем она приходится маркизу. Легче всего забыть того, кого... кого легко забыть. – Амалия высказывала свои соображения, а про себя подумала: «Боже, что за вздор я несу. Просто нелепо, неприлично даже, но... но у молодого человека такие умные глаза... Интересно, кто его родители?»

– Наверное, эту Матильду оставили в замке просто из милости, – предположил Зимородков. – Мне это тоже пришло в голову, кстати. Итак, у нас есть драма с пятью действующими лицами...

– Шестью, – поправила его Амалия. – Вы забыли о докторе.

– В самом деле... И каково же ваше мнение обо всем происшедшем?

Амалия пожала плечами.

– Мой отец, когда обучал меня математике, говорил: «Запомни, Леля, сколько бы ни было в задаче верст, игрушек, яблок, звезд небесных – все это лишь числа и ничего, кроме чисел. Одни числа всегда раскрываются через другие». Так что, если говорить о числах в нашей драме... Двое мужчин, четыре женщины. Две жертвы, четверо оставшихся в живых. Два покушения на самоубийство, одно показное самоубийство, превратившееся в настоящее, и одно убийство.

– Все так, – нетерпеливо перебил ее Александр. – Но кто же все-таки убил, по-вашему? Ведь превратить самоубийство маркизы в убийство мог только тот, кто постоянно присутствовал в доме и видел, как она во второй раз, покушаясь на себя, приставила револьвер к виску и нажала на спуск. Ведь именно тогда в голове убийцы зародился его бесчеловечный план.

– Предубеждение – ужасная вещь, – вместо ответа заметила Амалия. – Эти заметки так им и дышат.

– Но, если исходить из вечногo принципа *qui prodest*...

– Кому выгодно, да. Но есть мотивы, – оживилась Амалия, – которые лежат на поверхности, а есть скрытые мотивы, о которых мы можем ничего не знать. Если исходить из явных мотивов, то подозреваемым номер один окажется, конечно, ветренный муж. Ему надоели истерики жены, он жалел, что вообще на ней женился, и так далее. Маркиз умеет обращаться с оружием, он вполне мог подложить пулю в револьвер доктора и спровоцировать жену, нарочно

пригласив в замок любовницу. Против него говорит также и то, что он немедленно вызвал своего приятеля-адвоката, как только почувствовал, что Лапуль не так глуп, как ему хотелось бы, и не верит в версию о самоубийстве. Беда в том, что у Луи де Сентонжа не было никаких причин убивать жену.

– Почему? – изумился Зимородков.

– Да потому, что жизнь – не драма, – сердито ответила Амалия, разглаживая складку на юбке. – Сколько семей живет недружно, и в подавляющем большинстве случаев ничего особенного не происходит. Давайте посмотрим правде в глаза: эти заметки пытаются сделать из Луи де Сентонжа чудовище, которым он не является. Да, он бессердечен, да, он пренебрегает женой, не скрывает, что любит других женщин, и так далее. Наверняка он одет с иголочки, следит за собой, в разговоре мил, любезен, всегда оживлен. Скажите по совести, разве вы мало встречали таких людей, как он? Это эгоисты, очаровательные никчемные эгоисты, только и всего, и они никого никогда не убивают, потому что превыше всего ставят удовольствие, а не страдание. Да и потом, если бы маркиз все-таки решил убить свою жену, он бы не стал оставлять против себя столь явную улику, как отсутствующая в его коробке пуля. Он бы позаботился зарядить револьвер пулей доктора и заодно бы попытался свалить вину на него. Проще простого было бы додуматься до этого.

– Значит, вы считаете, что убийца – не маркиз, – подытожил Зимородков. – Кто же тогда? Его мать, решившая избавить сына от обременительной невестки? Его любовница, которой самой не терпелось стать маркизой де Сентонж?

Амалия поморщилась.

– Нет. Вы опять смотрите на это дело с точки зрения драмы, а не жизни. Мать, убивающая невестку, которой ее сын изменяет направо и налево, – какое-то странное проявление материнской любви. А Клер Демарэ была в замке гостьей, откуда же ей знать, где хранится револьвер доктора и какие именно патроны к нему подходят? Нет, убийство совершил человек, давно живущий в замке и знающий все обо всех.

– Иными словами, доктор Огюст Террайте, на которого вы с самого начала обратили внимание, – закончил Зимородков. – Поэтому он и взял пулю из запасов маркиза, чтобы обратить подозрение на него. Помните, вы ведь сами только что говорили о том, что убийца наверняка попытался бы запутать следы.

– А зачем доктору было убивать маркизу? – удивилась Амалия.

Следователь улыбнулся открытой, мальчишеской улыбкой, отчего его лицо смягчилось, и даже взгляд черных глаз уже не казался таким пронизывающим.

– Видите ли, я ведь тоже не смотрю на это дело, как на театральную драму. Что мы имеем, в конце концов? Неверного мужа и несчастную жену, из-за которых все и началось. Когда Элен де Сентонж узнала, что муж ее обманывает, она была глубоко оскорблена. Она плакала, умоляла, угрожала, но все ее действия ни к чему не приводили. Что обычно происходит потом? Жена понимает, что мужа ей уже не переделать. И она решает: раз он неверен ей, то и отлично, она сама не будет хранить ему верность. вспомните: во всех статьях говорилось, что она была молода и красива. А в замке живет доктор, которому всего тридцать два года и который, вероятно, как и большинство окружающих, жалеет ее.

Амалия прищурилась.

– Двое мужчин и четыре женщины? Вы тоже об этом подумали?

– С самого начала. А как вы догадались, что тут замешан доктор?

– Меня удивило, что он не расстался с револьвером после того, как Элен де Сентонж два раза покушалась на самоубийство, – хмуро сказала Амалия. – Это было бы как раз логичнее всего, и зря репортер утверждает, что логично было прятать револьвер, а не избавиться от него раз и навсегда. Доктора обычно довольно сообразительные люди. Почему же доктор Террайте не стал выбрасывать револьвер? Вероятно, он был уверен, что Элен уже не пожелает им вос-

пользоваться. Почему? Да по той самой причине, которую вы назвали. Да тут еще подозрительно частые визиты к больной тетке в последние месяцы жизни маркизы... Обычно такими визитами прикрывают тайные связи, и я думаю, что маркиза не была исключением.

– Мне очень помогли ее предсмертные слова, – признался Зимородков. – Ведь все решили, что она обращалась к своему мужу, а на самом деле она говорила с совершенно другим человеком и ему – при всех – признавалась в любви.

– А еще она сказала, – тихо напомнила Амалия, – что он предал ее.

– Матильда, – важно сказал Зимородков. – Маркиза узнала, что у доктора связь с Матильдой, и это ее убило. Все опять началось сызнова: сначала неверный муж, потом неверный любовник...

– Значит, вы полагаете, убийца – доктор? – внезапно спросила Амалия. – Но почему он сделал это?

Зимородков всей пятерней взъерошил волосы.

– Я уверен, она угрожала рассказать об их отношениях мужу.

– Который и сам далеко не безгрешен, – со смешком напомнила Амалия.

– Это ничего не значит, – живо возразил Зимородков. – Некоторые люди считают, что они вправе многое себе позволять, но им вовсе не нравится, когда их примеру следуют окружающие. Ведь одно дело – когда тебя терпят, и совсем другое – терпеть самому.

Амалия задумчиво чертила по земле носком ботинка.

– Ну, допустим, маркиз был как раз из таких людей и не потерпел бы покушения на свою собственность. И доктор что, всерьез испугался его? Настолько, что поспешил отделаться от своей любовницы, да еще так хладнокровно обдумал все детали? Зачем ему подобные сложности? Он же врач и при необходимости всегда, если уж на то пошло, смог бы измыслить для маркизы лекарство, которое... э-э... не оказало бы лечебного действия, а как раз наоборот. Вы понимаете меня?

Следователь бросил на Амалию сердитый взгляд.

– Я чувствую, вам не нравится моя версия, – пробурчал он. – Что мы знаем об Огюсте Террайте? Может, он и доктором-то был никудышным, а для того, чтобы отравить человека, все-таки требуются некоторые знания. С револьвером куда проще.

– Может быть, – нехотя согласилась Амалия. – Но вот второе убийство...

– Убийство Матильды, да. Вероятно, она поняла, что гибель Элен – дело рук доктора, и неосторожно дала ему понять это.

– Тогда почему она ничего не сказала на допросе комиссару Лапулю? – в упор спросила Амалия. – Тот решил, что она покрывала брата, который из милости оставил ее жить в замке. А доктор? К чему ей было покрывать доктора? Ведь в доме он находился на положении, пожалуй, лишь чуть выше старшего дворецкого.

– Вы забываете о том, что у нее, очевидно, был роман с доктором, – напомнил Зимородков. – Вот вам и причина.

Амалия задумчиво посмотрела на него.

– Я знаю, что во всех житейских ситуациях человек прежде всего склонен защищать себя самого, – медленно проговорила она. – Так уж устроен мир.

– Но... – начал ошеломленный Александр.

– Не думаю, что комиссар Лапуль настолько глуп, что не смог добиться от Матильды нужных сведений, хоть и чувствовал, что она чего-то недоговаривает, – веско уронила Амалия. – Ведь не зря же со времен господина Видока французские полицейские считаются лучшими в Европе. Если бы дело было в докторе Террайте, даже в ее брате, будьте уверены, Лапуль бы нашел слабое место девушки и выведал бы у нее то, что она так стремилась скрыть.

– Но если она боялась за себя... – подхватил Зимородков. Неожиданно он запнулся, насутился и побагровел.

– Вы об этом не подумали, – мягко заметила Амалия.

Зимородков глубоко вздохнул.

– Будь я неладен, нет! – проворчал он. – Двое мужчин, четыре женщины, да?

– Да. И одна из них – бедная родственница. Более того – незаконнорожденная сестра одного из этих мужчин. И ей всего восемнадцать лет.

– Да, – тихо сказал Зимородков, – она вполне могла влюбиться в доктора Террайе. Или решить, что влюбилась в него.

– Но у доктора уже есть Элен, – напомнила Амалия. – Неуравновешенная, взбалмошная и не слишком счастливая. Он ее жалел и даже, может быть, любил. А она была рада, что хоть кто-то дорожит ею, не отталкивает так, как это делал муж. Сначала все было хорошо, но мужчины плохо переносят неуравновешенных женщин. В какой-то момент доктор, я думаю, поссорился с ней. Она вызвала его на свидание и поехала якобы к тетке. Доктор же никуда не поехал. А тут братец Луи привез в замок свою очередную любовницу, и в голове Матильды мгновенно созрел план, как избавиться от соперницы раз и навсегда. Вот поэтому она и нервничала на допросе у Лапуля – боялась, что ее разоблачат, а не потому, что знала о ком-то, кого не хотела выдавать.

– А доктор понял, кто подстроил самоубийство маркизы, – задумчиво сказал Зимородков, – поэтому и задушил Матильду. Да, теперь все сходится. А пулю она взяла у брата, чтобы на доктора не упала тень подозрения.

– Только в одном она ошиблась, – заметила Амалия. – Огюст Террайе никогда не любил ее. Ему нужна была Элен, со всеми ее недостатками и достоинствами. Никто не станет убивать того, к кому он равнодушен.

– Это... это здорово, – пробормотал Александр. – Просто здорово, как вы все по полочкам разложили!

– Ну, не так уж и здорово, – рассмеялась Амалия. – Просто я очень люблю Габорио.²³

– Лекок? – оживился Зимородков. – Это и мой любимый герой тоже.

– Мне нравится, как он мыслит, – подхватила Амалия. – Не так уж часто встретишь героев, которые умеют мыслить.

– Да, и потом...

Но Амалия так и не узнала, что же будет потом, ибо из зелени вынырнула нафиксатуренная голова Емели Верещагина, а вслед за нею показался и он сам.

– Черт возьми! – завопил журналист, завидев их. – Они-таки здесь, негодники! Mademoiselle Amélie, ваша тетушка в гневе и расстройстве! Она нигде не может вас отыскать. В голову ей приходят самые мрачные подозрения!

– Я вас покидаю, – сказала Амалия с улыбкой и, пожав руку зардевшемуся Зимородкову, удалилась с Верещагиным. По ее виду никто не мог бы сказать, что за минуту до того она говорила со своим собеседником о преступлениях, а не о любви. Бедному Александру показалось, что он видел очаровательный, но совершенно фантастический сон.

Он встряхнул головой и попытался собраться с мыслями. Жюли Ланина. Вот ради кого он был здесь. Бедная Жюли, такая веселая, такая непосредственная, такая... такая живая. Доктор сказал, что она умерла от внезапной остановки сердца. Вскрытие, разумеется, Ланины делать не позволят. Остановка сердца, как и в пяти других случаях. Один в Париже, один в Вене, два в Петербурге, еще один – в Киеве. Все пострадавшие – молодые девушки, здоровые, красивые, богатые, принадлежащие к лучшему обществу. Никакого следствия, никаких следов насильственной смерти. Никаких видимых мотивов. Жюли обнаружили только утром – она мертвая лежала в своей постели. Накануне весь день девушка провела дома, ни с кем не встречалась.

²³ Французский писатель, один из основателей детективного жанра (1832—1873); Лекок – сыщик, герой многих его романов, которые пользовались невероятной популярностью. (На всякий случай напомним читателю, что в 1880 году романы о Шерлоке Холмсе еще не были написаны.)

Прислуга не заметила ничего необычного – правда, в это время все были заняты приготовлениями к балу, может, что и упустили. Впрочем, у Александра все равно нет полномочий, чтобы вести это дело. Да полно, и есть ли оно, дело-то?

Какая она умница, Амалия! По нескольким вырезкам в один миг обо всем догадалась, а он-то сам грешил на доктора. Вот уж подлинно неуч, бастард поповский!

Нет, это уж он зря... ни к чему себя бередить...

Александр задел рукой свою папку, лежавшую рядом на скамье, и она упала. Хорошо, хоть вырезки снова не рассыпались, второй раз за день. А вообще, надо будет все их выбросить вместе с папкой да честно кражами заниматься! Не выйдет из него настоящего сыщика, ну и ладно. Не всем же быть семи пядей во лбу...

Зимородков наклонился и замер. На земле под скамьей лежал какой-то желтый бант. Александр взял его двумя пальцами и расправил. Тонкая ткань, похожа на батист-викторию. Или на шелк? И не бант это вовсе, а маленькая желтая розочка. Похоже, какое-то украшение. Наверное, кто-то обронил ее.

Александр хотел положить искусственную розочку на скамью и удалиться, но что-то словно толкнуло его, и он остановился. Желтые розы... желтые розы... Где же он слышал о них? И кажется, именно сегодня...

Да, верно! Две горничные с заплаканными глазами, которые шептались в коридоре.

– Ах, какая жалость!

– А мадам Эстель такое платье мадемуазель Жюли для бала сделала! Голубое с желтым, и вокруг на подоле желтые розочки. До чего прелестно – уму непостижимо!

– Да, а теперь по всему выходит, что в этом платье барышню будут хоронить. Вот ведь как оно в жизни бывает!

Александр не очень разбирался в великосветских обычаях, но даже он знал, что платье для большого бала примеряют один раз и до самого бала никуда в нем не показываются – чтобы никто не мог скопировать фасон. Однако получалось, что Жюли Ланина выходила именно в этом платье в беседку. Зачем? В беседке ее кто-то ждал? Тот, кто...

Но думать дальше Александру не хотелось. Он лишь взял искусственную розочку и бережно спрятал ее в карман.

Глава 7

Лариса Сергеевна Вострякова была женщиной слова. Если она обещала устроить судьбу своей двоюродной племянницы, можно было не сомневаться, что той не удастся избегнуть своего счастья. Ради этого Ларисе Сергеевне, которая последнее время вращалась исключительно в купеческой среде, пришлось подключить все свои старые связи. Один бог ведает, какие интриги предшествовали получению приглашения на бал к Ланиным, который завершился столь плачевным образом, даже не начавшись. Однако Ларису Сергеевну уже было не остановить: едва вернувшись домой, она тотчас же затребовала к себе Максима Максимыча.

Это был маленький старичок с плешивым черепом, сморщенной, как грецкий орех, кожей и подобострастной улыбкой. Фамилия его была начисто утеряна, ибо все знакомые величали его лишь Максимом Максимычем, и никак иначе. Определить род его занятий представляется довольно трудным. Он знал все обо всех, но не являлся сплетником; был вхож в любые дома, но никогда не привлекал в них внимания; мог достать все что угодно, от пива до приглашения на крестины великого князя, но только если его очень об этом просили и если просьба подкреплялась значительным денежным вспомоществованием. В общем, Максим Максимыч был престранный субъект; он использовал одних людей, чтобы угодить другим, но сам не любил никого, кроме своего терьера, с которым гулял каждый день по три раза в любую погоду. Услышав о том, что его ждут у Востряковой, старик тотчас же явился. Он устроился напротив Ларисы Сергеевны – худой, узкоплечий, в черном костюме и добротном жилете, из кармана которого выглядывала цепочка от часов, и, щуря свои маленькие глазки под кустистыми бровями, с любопытством осмотрелся. Важно постукивал маятник в настенных часах, в углу под образом теплился крохотный огонек. Максим Максимыч сощурился еще слаще и вздохнул.

– Вы, наверное, не знаете, зачем я вас позвала, – начала Лариса Сергеевна, сжав руки.

Максим Максимыч повел узкой шеей и слегка ослабил воротничок.

– Я слышал, что произошло у Ланиных, – просто сказал он, – и готов вернуть вам деньги. Вы ведь рассчитывали на праздник, а взамен...

– Но ведь вы в этом не виноваты, – возразила Лариса Сергеевна.

Максим Максимыч потупился, как будто в случившемся все-таки была доля и его соучастия. Затем залез в карман и достал два пригласительных билета с красивыми гербами и золотым тиснением.

– Я подумал, – пояснил старичок, – что это, гм, поможет вам развеять неприятное впечатление.

Лариса Сергеевна пододвинула к себе билеты, взглянула на обозначенные в них имена хозяев и заулыбалась.

– Максим Максимыч, да вы просто наш благодетель! Насколько я знаю, у Озеровых обычно собирается вся московская знать.

Старичок даже порозовел от смущения.

– О, я так рад сделать вам приятное, госпожа Вострякова... Вы всегда цените людей по заслугам, не то что некоторые!

Как по волшебству, после упоминания о заслугах на столе оказалось несколько золотых монет. Максим Максимыч покосился на них и, смущенно кашлянув, сгреб золотые кружки в карман.

– А теперь, – подавшись вперед всем телом, сказала Лариса Сергеевна, – я бы хотела с вами посоветоваться.

Максим Максимыч настороженно поглядел на нее и зачем-то пригладил остатки волос, больше напоминавшие цыплячий пух.

– Слушаю вас, – молвил он, дернув жилистой шеей.

– Скажите, какого вы мнения о моей племяннице? Только откровенно.

– Об Амалии Константиновне?

– Ну да, ну да. О ней.

– Ну, что ж, – нерешительно промолвил старичок. – Молодая интересная барышня... – Он остерегался употреблять слово «красивая», говоря с одной женщиной о другой. – Очень хорошо воспитанная. Конечно, я видел ее всего лишь раз, но...

– Меня не это интересует, – нетерпеливо перебила его Вострякова. – Как по-вашему, есть ли у нее шансы сделать хорошую партию? Я имею в виду, в своем кругу.

Максим Максимыч вскинул одну бровь и стал задумчиво водить вдоль нее пальцем. Вопрос был не из легких. Старый плут мог назвать по меньшей мере два десятка ничем не обделенных барышень, которые так и остались старыми девами, и в то же время он мог припомнить не меньше дюжины других, которые блестяще вышли замуж, не имея ни особой внешности, ни даже особого приданого. Удача – вот как это называется; однако беседовать об удаче в этой тяжеловесно обставленной купеческой гостиной было бы по меньшей мере нелепо. Здесь платили деньги и хотели быть уверенными, что те не пропадут зря.

– Признаться, мне было бы куда проще приискать ей жениха среди купцов, – продолжала Лариса Сергеевна, – но маменька и слышать об этом не хочет. Она считает, что подобные мезальянсы не для них.

И Вострякова кисло улыбнулась. Сама она, хоть и родилась в дворянской семье, была в свое время вынуждена пойти как раз на такой мезальянс – просто потому, что не нашлось подходящего жениха в своем кругу.

– Вы, право же, мне льстите, – сказал Максим Максимыч, слабо улыбнувшись. – В таких делах, как это, все ведь зависит не только от... но и... Бывают разные обстоятельства, разные люди, наконец. Сама-то барышня славная, и она уже наверняка понимает, что к чему.

Слово «барышня» он произносил так, словно оно было производным от слова «барыш».

– Это верно, – согласилась Лариса Сергеевна. – Только вот с приданным у нее... не очень, прямо скажем.

Максим Максимыч задумчиво поглядел на хозяйку.

– Это плохо, – со вздохом изрек он.

– Вдобавок в семье было двое чахоточных, и еще неизвестно, чем это обернется для девушки, – безжалостно продолжала Лариса Сергеевна.

Старичок кивнул. Люди девятнадцатого века имели все основания бояться туберкулеза – в то время данный диагноз был равнозначен смертельному приговору.

– Но сама барышня ведь здорова? – участливо осведомился Максим Максимыч.

– Да бледная она какая-то, что мне и не нравится, – пожаловалась Лариса Сергеевна.

– Ну, так, на свежем воздухе, я думаю, поправится, – заметил старичок. – Это все?

– Мать у нее – полька, – выложила Лариса Сергеевна самую последнюю страшную тайну. – Вот.

Максим Максимыч слегка нахмурился. Вообще-то, если быть точным, по женской линии мать нашей героини происходила из грозного немецкого рода фон Мейссенов, последняя представительница которого, неугомонная Амелия фон Мейссен, в одном из своих семи браков родила дочь, вышедшую впоследствии замуж за шляхтича Браницкого. Вот от этого союза и появились на свет Аделаида Станиславовна и ее брат. Но тогдашним русским дворянам не было особого дела до таких тонкостей, а к полякам – католикам, гордецам и вдобавок вечным смутьянам – они питали недоверие, которое было трудно объяснить и уж тем более побороть. Все это Максим Максимыч знал не хуже, чем его собеседница. Он задумался.

– У купца Храпова есть сын, – начала Лариса Сергеевна, видя, что он колеблется. – Может, проще познакомить их да поглядеть, что будет? А то на всякие там балы да платья расходы анафемские, а толк – неизвестно, будет ли.

Как видим, даже доброта купеческой вдовы имела свои пределы.

– А что она любит делать? – спросил внезапно Максим Максимыч.

– Кто, Амалия? – Вострякова фыркнула. – В том-то и дело, что ничего. Целыми днями сидит да книжки читает.

– Тогда, – решительно промолвил старичок, – ей лучше быть за дворянином. Купцы народ известный, они таких замашек терпеть не станут, да и рука у них тяжелая.

Вот так благодаря своей любви к книгам Амалия и оказалась в начале мая на балу у Озеровых. Накануне его Лариса Сергеевна, поняв свою ошибку с купеческой портнихой, отвела племянницу к французской модистке, которая сшила для Амалии прелестное розово-персиковое платье с множеством кружев. В этом платье, с зачесанными навверх волосами, украшенными кремовой розой, Амалия смотрелась на диво хорошенькой, и она даже привстала на цыпочки, чтобы как следует разглядеть себя в зеркале. Бал! Наконец-то она попадет на самый настоящий праздник – ведь она обожает музыку, и танцы, и веселье! Не выдержав, девушка сорвалась с места, схватила дядюшку Казимира за руки и закружилась с ним по комнате. Аделаида Станиславовна засмеялась и захлопала в ладоши.

– Ну что ты как маленькая, честное слово! – проворчала тетка. Однако она и сама казалась довольной.

– Тетушка, вы ангел! – воскликнула Амалия. Она почти забыла, что все это затеяно с единственной целью – повыгоднее сбыть ее с рук. Но платье было так воздушно, окружающие – так добры, и главное – впереди у нее целый вечер счастья! И еще много вечеров, и вся жизнь!

Но вот и особняк Озеровых, в котором назначен бал, и лакеи в париках почтительно отворяют двери, за которыми – холл и мраморная лестница, уставленная вдоль перил живыми цветами, которые одни наверняка стоили целое состояние. Амалия оглянулась на тетку и заметила, что представительная Лариса Сергеевна волнуется еще больше ее. Враз ощутив симпатию к этой женщине, Амалия тихонько пожалала ей руку. Тетка удивленно взглянула на нее.

– Ничего, я так... – шепнула Амалия, краснея.

Они медленно поднялись по ступенькам вместе с другими приглашенными, которые с любопытством оглядывались на хорошенькое личико новенькой (как тогда говорили – «дебютантки»). Лакей звучным голосом бросил в залу их имена, и они вошли. Лариса Сергеевна усиленно обмахивалась веером, стараясь скрыть смущение, Амалия же в первое мгновение опустила глаза, но уже в следующее подняла их. Она заметила, что привлекла внимание и что многие взгляды устремлены на нее. Женщины, как всегда, искали в ней хоть какой-нибудь изъян, мужчины задавались вопросом, что за новая штучка появилась в свете. Амалию бросило в жар. Она посмотрела налево и увидела в креслах группу разряженных в шелк, тюль и бархат старух, которые негромко переговаривались между собой, нет-нет да поглядывая на нее. В некотором отдалении от старух жались в углу еще не приглашенные на танец девушки, обсуждая последние сплетни; и эти тоже смотрели на нее. В правом углу столпились кавалеры во фраках и мундирах, а напротив Амалии, на возвышении, оркестр раскручивал мелодию вальса, как бесконечную штуку капризного дорогого полотна. Бал открылся совсем недавно, и танцевало пока не так уж много пар. Отделившись от группы старух, к Ларисе Сергеевне уже семенила высланная подругами на разведку пожилая генеральша Берберова.

– Ах, Ларочка! – картинно всплеснув руками в кружевных митенках²⁴, вскричала генеральша. – Как же давно я тебя не видела! Это твоя дочь?

²⁴ Перчатки без пальцев.

– Племянница. Амалия Тамарина, дочка Константина.

Девушка послушно присела в реверансе.

– Правда? – изумилась старушка, показав остренькие желтые зубы. – Какое милое дитя! А ты так и не замужем, дорогая? – слащаво обратилась она к Востряковой.

– Я уже была, – довольно сухо ответила та.

– Ах, да-да, я что-то такое припоминаю... – Старушка пытливо прищурилась на покрасневшую Ларису Сергеевну. – Кажется, он был статским советником?

– Нет, – мило улыбнувшись, проворковала купеческая вдова. – Он был просто хороший человек.

– Дорогая! – с чувством промолвила Берберова, положив руку ей на локоть. – Как я тебе сочувствую!

Амалия сделала вид, что застегивает пуговку на перчатке. Все ее упоение, весь радужный настрой разом куда-то улетучились. Она была разочарована, обнаружив, что даже в самых прекрасных бальных платьях и под самую дивную музыку на свете люди остаются такими же пошлыми, эгоистичными и мелочными, как и в любом другом месте. Ей так хотелось верить в сказку, а та обернулась банальным фарсом. Бал только начался, а она уже с нетерпением ждала, чтобы он поскорее закончился.

– Посмотри, какая куколка! – важно сказал Григорий Гордеев своему приятелю Дмитрию Озерову в правом углу залы. Озеров был сыном хозяев бала. Он мечтал о славе литератора и писал стихи и прозу, но вот слава о нем вовсе не мечтала, ибо его литературные опыты успеха не имели. В остальном это был вежливый, интеллигентный, спокойный молодой человек, ни в чем не вызывавший нареканий.

– Ты о ком? – спросил он у Григория.

– Возле Берберовой, – многозначительно промолвил Григорий, заливаясь счастливым глуповатым смехом. – Видишь? Та, что потупила глазки.

Озеров пристально посмотрел в указанном направлении, увидел Амалию, поправил очки, но не удержался и взглянул на нее вновь.

– Кто это? – нарочито равнодушным тоном осведомился он. – Ты ее знаешь?

– Впервые вижу, – отвечал его собеседник.

К ним подошел Евгений Полонский. В свете все трое считались большими друзьями.

– Эжен, – спросил у него Григорий, – кто эта юная особа между генеральшей и толстой бабой у дверей?

Евгений обернулся и без всякого интереса поглядел в другой конец залы.

– Ее зовут Амалия, – объявил он.

– Ты ее знаешь? – удивился Дмитрий. – Познакомь меня с ней.

– Я ей не представлен, – поставил его на место Евгений. – Видел как-то мельком в Париже.

Григорий захохотал.

– В Париже! Это интересно! Что она делала в Париже, а?

Он высунул кончик языка и силился подмигнуть приятелям обоими глазами. Его широкое мясистое лицо лоснилось от пота.

– Как ты глуп, Гриша, – равнодушно заметил ему Евгений.

Гриша, ничуть не обидевшись, еще залиvistее рассмеялся.

– Я приглашу ее на вальс, – решил Озеров и сделал шаг вперед.

– Берегись, Митенька, – сказал ему вслед граф Полонский. – По-моему, та вульгарная особа рядом с ней только и ищет, кому бы ее сосватать. Да и, насколько я помню, происхождение у нее – так себе.

Озеров не был снобом, но он заколебался и упустил момент. Амалия, по-прежнему чувствуя себя под перекрестным огнем взглядов, двинулась к толпе ожидавших приглашения девушек. Она не была трусихой, но колени у нее подгибались.

«Никогда не буду больше ездить на балы!» – решила она.

«Но чего же я боюсь? – в смятении подумала она уже в следующее мгновение. – Чего? Как все это глупо, в самом деле!»

– Похоже, у бедняжки беспокойно на душе, – притворно участливым тоном заметила длиннолицая девушка в желтом платье. К ней только что подошел офицер в красивом белом мундире, собираясь пригласить ее на танец.

Офицер обернулся, и Амалия мгновенно узнала его. Этого человека она видела в Ментоне – он жил в уединении на соседней вилле и лечил слабые легкие. Когда умер ее отец, сосед – его звали Орест Иванов – первым предложил свою помощь, хотя за все предыдущее время они перекинулись едва ли десятком фраз. И хотя память об Иванове была связана для Амалии с самыми горестными минутами ее жизни, она тем не менее обрадовалась, заметив среди многолюдной толпы хоть одно знакомое лицо, и дружески кивнула ему. О том, что произойдет непосредственно вслед за этим, она даже не могла помыслить: бросив девушку в желтом, офицер шагнул Амалии навстречу.

– Мадемуазель Тамарина, если не ошибаюсь? – весело спросил он, кланяясь ей. – Вы еще не танцуете? Позвольте пригласить вас!

Амалия порозовела и наклонила голову. В руке у нее был веер, и она оглянулась, ища, куда бы положить его, но тут Лариса Сергеевна подошла и взяла его. Случайно Амалия перехватила взгляд девушки в желтом, который был красноречивее любых слов. «Однако как легко нажать себе врага», – мелькнуло в голове у Амалии, но она не стала задерживаться на этой мысли. Офицер в белом взял ее за кончики пальцев и повел в круг.

– А я и не знал, что вы будете, – сказал он.

– Я и сама не знала, – искренне ответила Амалия.

Их подхватила волна музыки, закружила и увлекла за собой. Поначалу Амалия выступала робко – ее не покидало чувство, что все присутствующие смотрят именно на нее; но потом она забыла обо всем на свете, кроме танца и своего кавалера. Он прекрасно вальсировал, тонко чувствовал ритм и ни разу не допустил ошибки. То и дело Амалия ловила на себе исполненные жгучей зависти взгляды оставшихся без приглашения дам, и ей это было и забавно, и приятно. Вся ее былая неуверенность отступила куда-то, растворилась в дрожании сотен огней, наполнивших залу. Это был ее вечер и ее мир. Для нее – ликование музыки, для нее – яркий свет, для нее – восхитительное кремово-розовое платье, ничуть не сковывавшее движений, для нее – улыбки, смех и... этот молодой человек, чья рука в белой перчатке касалась ее руки. Они были самой красивой парой в зале, она – белокурая, тоненькая, с четко очерченными уголками губ и черными бровями, и ее кавалер – темноволосый, ослепительно юный, с серо-зелеными глазами и тонким профилем, достойным камеи. Особенно ей почему-то нравились в Оресте его длинные ресницы, от которых его взгляд словно становился глубже и загадочней. А еще ее пленяла его прелестная улыбка, от которой на щеках неожиданно появлялись ямочки, и тогда становилось ясно, что их обладателю не больше двадцати лет. Амалия видела Ореста всего четвертый или пятый раз в жизни, а ей уже казалось, что они знакомы давным-давно. Никогда еще ни с кем не было ей так легко, как с этим юношей в белом здесь, в просторной танцевальной зале московского особняка.

– А я и не знала, что вы офицер, – сказала она, кивая подбородком на его мундир.

Орест улыбнулся.

– О, это тайна!

Вальс вспыхнул фейерверком и угас. Амалия почувствовала, как ее кольнуло острое сожаление оттого, что все так быстро закончилось. Тем не менее она улыбнулась и грациозно

поклонилась своему кавалеру, правой рукой отводя с виска непокорный локон. Иванов спросил, с кем она танцует мазурку.

– Еще не знаю, – ответила Амалия.

– Тогда оставьте ее за мной, хорошо?

Он блеснул глазами, улыбнулся и отошел. К Амалии уже спешила Лариса Сергеевна с ее веером. Оркестр заиграл кадрили.

– Дорогая! – воскликнула купеческая вдова. – Я понятия не имела, что ты знакома с князем! Право же, ты должна была мне его представить!

– С каким князем? – удивилась Амалия.

– Тот молодой человек, с которым ты танцевала... разве ты не знаешь, кто это? Князь Орест Рокотов, богач и... кавалергард...

Веер замер в руке Амалии.

– В самом деле? – довольно сухо ответила она. – В Ментоне я знала его под другим именем.

– О, – оживилась Лариса Сергеевна, – наверное, он хотел сохранить инкогнито. Так ты что, даже не знала, кто он такой? Уму непостижимо!

Но Амалия не успела ответить, потому что в это мгновение к ней приблизился Дмитрий Озеров и, застенчиво кашлянув, пригласил ее на кадрили.

Глава 8

– *Décidément, elle te fait raffoler*²⁵, – сказал граф Евгений.

Был май – прекрасный май в пене сирени. Легкие облака, казалось, заблудились в высоком небе цвета мечты. То там то сям над травой пролетали, кружась, белые и желтые бабочки. Коляска, в которой сидели приятели, медленно катилась вперед, и ажурное переплетение листьев отбрасывало на их лица подвижную меняющуюся тень.

– Ради бога, не строй из себя резонера, – с досадой сказал Дмитрий.

Евгений с жалостью поглядел на своего друга. Дмитрий был высокий, но узкоплечий, с впалой грудью и немного вялыми чертами лица. Его русые волосы слегка вились на концах, а на переносице уже начали прорезаться хмурые морщинки. Он не любил постоянно носить очки и теперь близоруко щурился на аллеи, по которым они проезжали. В сторону Евгения Дмитрий не смотрел.

– Прежде чем ты натворишь глупостей, – донесся до него голос графа, – я хотел бы, чтобы ты кое-что узнал об этой особе.

– Все, что мне надо, я и так знаю, – еще более сердито ответил Озеров.

Но Евгений упрямо продолжал:

– Ее семья разорена, а мать напросилась жить к родственнице мужа, богатой купчихе. Отец недавно умер от чахотки и оставил долги – как я слышал, на сумму в восемь тысяч рублей, не меньше. Часть долгов купчиха выплатила, но ей, похоже, уже наскучило заниматься благотворительностью. Теперь она не прочь переложить эту обузу на другие плечи...

– Евгений!

– Надо сказать, – добавил граф, – что эта особа хорошо усвоила ее план. Сначала она втерлась в доверие к тебе и Оресту, потом Орест представил ее своим родственникам Орловым, которых она совершенно очаровала, и теперь ее чаще можно застать у них дома, чем их самих. А между делом она напропалую кокетничает с тобой, с Орестом и еще с дюжиной молодых людей, причем даже Грише Гордееву не удалось избежать ее чар. Недавно он заявил мне, что у мадемуазель Амели глаза цвета шампанского и что он никого не встречал красивее ее. Я пытался его образумить, но... – граф Полонский пожал плечами с крайне утомительным видом. – Кончится тем, что она кого-нибудь из вас непременно на себе женит. Она же только об этом и мечтает!

Из дневника Амалии Тамариной

8 мая. Большой бал у Орловых по случаю дня рождения их дочери. Муся Орлова вся в белом, я – в голубом. Муся (ее настоящее имя, разумеется, Мария) очень милая, подвижная и говорливая барышня. Она всего на два с чем-то месяца младше меня, и неудивительно, что мы быстро нашли общий язык. Я танцевала с графом Евгением Полонским – это было все равно что танцевать с ледяной статуей, но с ним я хотя бы спокойна, потому что он не собирается на мне жениться. Каждый раз, когда я вижу нечто, похожее на жениха, я становлюсь до ужаса несчастной. Две кадрили я танцевала с Орестом. После него мне пришлось взять в кавалеры Гришу Гордеева. Он пошлый, толстый и фатоватый. Пока мы танцевали, он сыпал меня тысячью комплиментов по поводу моих волос, моего платья, моих украшений, моих глаз и снова моих волос, после чего я потеряла терпение и парировала с невинным видом: «Но, сударь, так мы никогда не доберемся до самого главного». Он побледнел и с заиканием спросил: «Что в-вы имеете в вид-ду?» – «Ум, сударь», – ответила я и среди танца со смехом убежала от него. А он остался стоять с открытым ртом.

²⁵ Положительно, она сводит тебя с ума (франц.).

– Я не понимаю тебя, – сказал Дмитрий после небольшой паузы. – Какое тебе дело до... до моих отношений с Амалией? Согласен, мне приятно встречать ее, приятно беседовать с ней... Она очень начитанная, прекрасно образованная барышня. И... и ей тяжело пришлось в жизни, можешь мне поверить. Она видела, как умирает ее отец, она... Ты несправедлив к ней, – решительно закончил он. – Просто несправедлив!

Из дневника Амалии Тамариной

12 мая. Митенька Озеров читал мне начало своей повести. Она открывается описанием луны, скользящей меж облаков, на двух страницах текста. Герой появляется еще через десяток страниц... Героиня – идеальна и хороша до невозможного. Когда я осмелилась заметить ему, что в жизни таких людей не бывает, он обиделся и возразил, что писал ее с меня. К стыду своему, я не нашла, что ему ответить.

15 мая. Бал-маскарад, граф Полонский, Митя-литератор, я в платье цвета вишни, я пользуюсь успехом. У меня репутация кокетки, сказал мне граф Евгений. Я ответила, как Фигаро: «Я лучше, чем моя репутация».

– Поразительно, – сквозь зубы заметил граф, – до чего же доверчивы некоторые люди. Дмитрий в изумлении покосился на него.

– Нет, Евгений, это... Я вижу, тебе не нравится Амалия, но... Что она тебе такого сделала, в конце концов?

Прежде чем ответить, граф аккуратно стряхнул пылинку со своей перчатки.

– Я не люблю людей, которые выдают себя за то, чем они не являются, – ровным голосом промолвил он. – Только и всего. Эта Амалия – хитрая, беспринципная особа, которая не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего. Все, что ей нужно, – это богатство и громкое имя, потому что у нее нет ни того, ни другого. А получить их проще всего через брак с каким-нибудь влюбленным глупцом.

– Евгений, умоляю тебя, – перебил его Дмитрий, страдальчески морщась. – Оставь ты свои сословные предрассудки, в конце концов. Это просто смешно!

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним, – равнодушно возразил Полонский. Озеров вспыхнул и отвернулся.

Из дневника Амалии Тамариной

18 мая. Гадали с Дашей на картах. У нее – червонный король (блондин, надо полагать), хлопоты и какие-то денежные неприятности. У меня – тайный недоброжелатель, друг в казенном доме и большая ложь. Посмотрим!

Итак, сегодня, когда мы с Мусей ехали в коляске по набережной, я неожиданно увидела Сашу Зимородкова, собирателя таинственных убийств. У него неухоженный вид, мундир протерся на обилагах, но встрече со мной он, кажется, обрадовался. Емеля Верещагин (журналист) говорил мне, что Саша – незаконный сын какого-то священника и что ему пришлось немало в своей жизни хлебнуть горя. Мы немного побеседовали, и я пригласила его к нам на ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.